

ПОЛИТИКА И ПРАВО

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Коллектив авторов Гражданское общество. Истоки и современность

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11080695

*Гражданское общество. Истоки и современность: Юридический центр Пресс; Санкт-Петербург;
2006*

ISBN 5-94201-480-9

Аннотация

XXI век войдет в историю новоевропейской цивилизации как время исторического вызова и время поиска достойного ответа на этот вызов. Старая шкала ценностных ориентиров общественного развития уже не работает, а новая еще не сложилась. Наиболее сложна ситуация в странах посткоммунистического пространства, где продолжают трансформационные процессы. Этим объясняется пристальное внимание к идее гражданского общества и возможности ее осуществления в новых условиях. Также выражается убеждение, что перспективы России в третьем тысячелетии возможны только под знаком гражданского согласия.

Издание предназначено для тех, кто заинтересовался идеей гражданского общества в ее современном изложении и хотел бы расширить свои представления об этой перспективной возможности развития России.

Содержание

Введение	5
Раздел 1	8
1.1. От власти авторитета к авторитету власти	8
1.2. От авторитета власти к гражданскому обществу	15
1.3. Гражданское согласие как предпосылка нового качества власти авторитета	25
Раздел 2	36
2.1. История возникновения гражданского общества	36
2.2. Осуществление идеи гражданского общества	40
2.3. Специфика развития гражданского общества в условиях переходного периода	54
Раздел 3	61
3.1. Экономическая свобода и независимость личности – предпосылки становления гражданского общества	61
3.2. Экономический базис правового государства	73
3.3. Экономическая взаимосвязь становления и развития гражданского общества и правового государства	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Гражданское общество. Истоки и современность

© Коллектив авторов, 2006

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006

* * *

*Светлой памяти Греты Ясоновны Пановой, нашего бессменного
редактора и просто хорошего человека, посвящается.*

Авторы

Введение

О гражданском обществе спорили вчера, спорят и сегодня. С одной стороны, это свидетельствует о его актуальной значимости, а с другой – связано с тем, что «идея гражданского общества» и поиск вероятных путей ее осуществления не получили надлежащего концептуального оформления, а посему и не сложился тот необходимый уровень метатеории, который принимается в качестве аксиомы.¹

Уже более десяти лет тема «Гражданское общество» не сходит со страниц научной и публицистической печати. Но все размышления о гражданском обществе, как правило, лежат в плоскости противопоставления «всему тотальному и государственному». При определении понятия «гражданское общество» доминирует не системный, а случайный набор признаков. Его структура определяется по «остаточному принципу», т. е. «за вычетом» из социальной жизни государственного начала и некоторых аспектов публичного права. Такой подход не столько открывает истину, сколько скрывает ее, приводя к очередному заблуждению.

Авторы предлагаемой вниманию читателей книги взяли на себя смелость представить комплексное и системное исследование идеи гражданского общества и путей ее осуществления в условиях общества трансформационных процессов, когда обрушилась старая шкала ценностей, а новая еще не сложилась, когда все знают, «откуда они вышли», и никто толком не знает, «куда они идут».

Отправными точками предложенного исследования явились: обоснование предельных оснований бытия гражданского общества и определение его онтологического статуса; рассмотрение истории идеи гражданского общества и истории ее осуществления; исследование социально-экономических, социально-политических, социокультурных и социально-правовых его аспектов; а также размышление о вероятной стратегии и тактике становления и развития гражданского общества в условиях переходного периода.

Авторы отдают себе отчет в том, что идея гражданского общества обрела особую актуальность в условиях посткоммунистического пространства, где перемены на рубеже веков привели к активному поиску ценностных ориентиров, отражающих как преемственность исторического развития, так и необходимость определения цели, способной соединить общее и единичное, объединить ключевые принципы развития мирового процесса и отечественные усилия, сделать жизнь общества более человечной, а человека – более общественным (совершенным).

В постперестроечное время от «гражданского общества» (от одной магии этого термина) стали ожидать «чуда» – быстрого переустройства социальной действительности с ориентиром на западные стандарты. Казалось, что для утверждения гражданского общества достаточно легализовать частную собственность и декларировать политические и социально-экономические права человека. Но одной декларацией здесь не обойтись, а западные стандарты в чистом виде неуместны, ибо не учитывают исторические особенности и специфику современного развития страны – страны, которая долгое время осуществляла про-

¹ См.: Гражданское общество: Теория, история, современность. М., 1999; Гражданское общество: Истоки и современность. СПб., 2002; Гражданское общество, правовое государство и право (Круглый стол журналов «Государство и право», «Вопросы философии») // Государство и право. 2002. № 1; Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. М., 2003; Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М., 2001; Коэн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003; Селигман А. Проблема доверия. М., 2002; Федотова В. Г. «Хорошее общество», «хорошая наука», «хороший человек» // Вестник РГНФ. 2001. № 3; Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003; 2) Ценности гражданского общества и личность. – М., 2001.

ект «русского марксизма». Нужны творческие усилия историков и философов, социологов и экономистов, культурологов и юристов. Практически отсутствуют работы, раскрывающие состояние современной социально-политической и политико-правовой действительности с позиции комплексного, системного подхода.

Ощущается потребность в исследованиях, посвященных формированию нового правового пространства, правовой культуры и правового сознания. Нужны работы, рассматривающие социокультурные основания гражданского общества, раскрывающие специфику его становления в условиях трансформации общества этнического плюрализма и конфессионального многообразия. Необходимы исследования противоречий между трудом и капиталом. Нужны разработки, посвященные институту семьи, которая несет на себе печать всех противоречий общества, заявляя о себе как о социальной ячейке гражданского общества.

Определенной формой компенсации добротных исследований явились события, ставшие знаковыми для развития идеи гражданского общества и ее осуществления в общественном сознании. Это общественно-научные форумы, проведенные в Санкт-Петербурге (2000, 2002, 2003 гг.), Гражданский форум неправительственных и некоммерческих организаций (Москва, 2001 г.), создание Общественной палаты в 2005 г.

Диалог общества и власти, начатый в декабре 2000 г. в Санкт-Петербурге, получил свое логическое продолжение. Состоявшиеся форумы подтвердили ранее сделанные выводы о том, что перспектива развития России в третьем тысячелетии возможна только под знаком гражданского согласия и развития гражданского общества.

В данной работе авторы попытались ответить на фундаментальные вопросы: какова природа общества вообще; какое общество может именоваться гражданским; как взаимосвязано осуществление идеи гражданского общества с процессом развития правовой государственности и обеспечением прав человека; можно ли сформировать гражданское общество с помощью одних политико-правовых акций или необходимы коренные изменения не только в системе социально-экономических отношений собственности и присвоения, но также в общественном и индивидуальном сознании; является ли гражданское общество универсальным явлением или это специфически западный феномен?

Полагаем, что, лишь ответив на эти вопросы, можно рассматривать идею гражданского общества применительно к России, ее способность или неспособность перерасти в общенациональную идею. Соборное начало идеи может обеспечить созидательные процессы и вывести Россию на уровень передовых стран мира с претензией на то, чтобы стать реальным субъектом мировой политики и международного права.

Необходимость ответа на заявленные вопросы заставила авторов эксплицировать категорию «гражданское общество» в онтологической плоскости, рассмотреть историю идеи гражданского общества и ее осуществления, исследовать социально-экономическую базу, политические характеристики, социокультурные и правовые основания гражданского общества. Это позволило рассмотреть формы взаимосвязи, взаимодействия и взаимообусловленности субъектов гражданского общества и уяснить, что его специфика проявляется, прежде всего, в политико-правовой сфере, а также в области коммуникаций.

Однако изучение этой специфики показало неизбежность столкновения с антиномией должного и сущего, где гражданское общество заявляет о себе как идеальный тип (желаемое будущее), и как общество, которое выступает в виде фактической реальности. Очевидно, что эти два модуса бытия никогда не совпадают. Но является ли это достаточным основанием для вывода о том, что в России реально существует гражданское общество? Этому вопросу посвящен специальный раздел, в котором основное внимание сосредоточено на том, кто вырабатывает политико-правовые инновации, каковы принципы взаимодействия субъектов гражданского общества при формировании политического курса страны, обеспечении контроля за деятельностью государства, насколько возможен и реален диалог субъ-

ектов гражданского общества, а также их мера ответственности в пределах метасистемы «природа – общество – человек».

Проведенное исследование позволило констатировать, что в условиях России произошел скачок от коллективной идеологии к частным интересам, от единства и дружбы национальностей в многонациональном обществе к «параду суверенитетов» и вражде на национальной и религиозной почве, когда консенсус и компромисс, терпение и терпимость стали труднодостижимыми. Более того, гражданское общество подчас отождествляют с обществом потребления, что создает особые специфические проблемы для него. Однако это не исключает возможность рассматривать идею гражданского общества в качестве перспективной цели.

Представленная работа является логическим продолжением научных исследований, нашедших отражение в монографии «Гражданское общество: Истоки и современность», вышедшей в издательстве «Юридический центр Пресс» в 2000 г., а также во втором издании одноименной монографии, осуществленном с существенными дополнениями в том же издательстве в 2002 г. В ходе подготовки третьего издания авторам не всегда удавалось прийти к полному единодушию. Но поскольку представленные авторские позиции достаточно аргументированы, то последнее слово остается за читателем.

Раздел 1

Онтологические основания гражданского общества

1.1. От власти авторитета к авторитету власти

Исторически и логически первой формой общественной жизни является род. Имея общего предка, род выступает носителем кровнородственных связей. Он обеспечил переходный период от «биологической популяции» особей прачеловека к социальной общности людей, от эндогамии к экзогамии, заложил основания общественного сознания и его ориентир на формирование традиционного общества.

В своем становлении род прошел две стадии – эпоху материнского и эпоху отцовского развития, формируя мифологическое мировоззрение людей и культуру страха в границах ойкумены.

Если в эпоху матриархата социальной ячейкой выступает весь род в чистоте своих кровнородственных отношений, то в эпоху патриархата социальной ячейкой общества становится патриархальная семья. Семья заявляет о себе как экономически суверенная общность людей. Семьи образуют общину, точнее сообщество, где люди связаны территориальной целостностью, принадлежностью к одному тотему, единому пантеону богов; солидарностью, за которой стояли единство мотивов и действий, общность интересов и определенная мера ответственности за жизнедеятельность общины².

Регламент этого сообщества обеспечивался властью авторитета в лице старейшины рода. Проводником власти авторитета выступало основание будущей нормативной пирамиды общества в форме табу и талиона, которая закреплялась первобытной нравственностью.

Община явилась условием становления обычного права, которое обеспечивалось общественным мнением и волей власти авторитета, особой культурой страха перед непреодолимыми силами Природы. Характерной чертой обычного (естественного) права был ориентир на «горизонтальные» общественные отношения. Право уже воспринимается как определенная система возможных прав и обязательств, но эта система еще далека от инверсии в правовую норму закона, регламентирующего определенный вид общественных отношений и обеспеченного санкциями авторитета власти. В этой системе право совпадает с обязанностями, а обязанности воспринимаются как право.

Несмотря на некоторую привлекательность общины, в силу преобладания отношений координации над отношениями субординации общину вряд ли можно рассматривать в качестве идеального сообщества. В ней отсутствовала личность. Свобода и личные интересы индивида приносились в жертву благополучию общины. В условиях, когда «часть» не принимается во внимание, «целое» не может реализовать свой потенциал.

И тем не менее развитие общины продолжалось. Оно шло по двум направлениям – либо за счет количественного роста моноэтнической общности, либо за счет союза отдельных общин по пути формирования ассоциации-сообщества.

Если к этому добавить специфику ойкумены (органического единства конкретных природных условий и конкретного человеческого фактора), то многообразие исторических форм

² Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. Политика. М., 1983; Тайлор Э. Первобытная культура. М., 1989; Фрейзер Дж. Золотая ветвь. М., 1983.

сообщества людей следует принять как естественную данность. В этом многообразии традиционно выделяют азиатский, античный, германский и славянский типы общин.

Азиатский тип рассматривается как инверсия рода в общину в условиях перехода от кочевого к оседлому образу жизни. В основе этого типа лежала общая собственность на землю, широкое применение коллективного труда при создании ирригационных систем и дорог, организация защиты от внешнего врага и полное растворение части в целом, индивида в протообществе.

В отличие от азиатского типа античная община представляла собой сообщество свободных людей, ориентированное на активное использование труда рабов. Но главное отличие заключалось в том, что представитель античной общины, сохраняя свое членство в общине, становился частным собственником обрабатываемого надела земли, что обеспечивало его относительную самостоятельность, заявку на формирование индивидуальности, становление личности.

Германская община (марка) – более позднее образование, где доминирует частная собственность на землю. Сообщество продолжают объединять традиции и обычаи, но это уже ассоциация свободной организации землевладельцев, где каждый собственник земли выступает сувереном, демонстрируя свою индивидуальность.

Имеет свою специфику и славянский тип общины. Она представляла собой организацию местного самоуправления совладельцев земли. Регламентом славянской общины являлся нравственный закон. Община предпочитала путь мира, а не насилия, ориентируясь на естественное право и власть авторитета. Ее потенциал был столь впечатляющим, что один из видных славянофилов К. С. Аксаков (1817–1860) полагал, будто русский народ по своей природе не «государственен»³. Славянофилы рассматривали общину как социальную ячейку общества, как первокирпичик обустройства России.

Но власть авторитета в любой ее модификации – как в далеком вчера, так и в конце XIX в. – демонстрирует ограниченность возможностей преодолевать противоречие между частью и целым. Община по мере своего развития все более проявляет неспособность обеспечивать оптимальный регламент отношений в границах конкретного сообщества людей, неравных по своей природе. И хотя община рождает ностальгию о времени «Золотого века», она уступает место той социальной структуре общества, где бал правит уже не власть авторитета, а авторитет власти.

Авторитет власти заявляет о себе через становление института государства и оформление политической системы, способной мобилизовать население конкретного сообщества на решение задач, выходящих за пределы возможностей индивида или его семьи.

Первой моделью государства будущей новоевропейской цивилизации выступает древнегреческий полис, в котором общество и государство предстают как единое целое. Население полиса, как правило, исчисляется уже в десятках, а то и сотнях тысяч людей. Но статус граждан имели только свободные лица мужского пола. Они обладали равными политическими правами. Гражданство носило наследственный характер. Чужеземцы не могли получить гражданство даже если они или их родители родились в конкретном полисе. Что касается женщин, то они, точно так же, как рабы и чужеземцы не обладали политическими правами и исключались из сферы политической жизни. Полис представлял собой структурно организованное сообщество, регламент которого обеспечивался деятельностью протогосударства. Это еще не государство в традиционном смысле, но уже и не власть авторитета в лице старейшин рода. Политические идеалы характеризовались гармонией равных в политической сфере людей, законом и свободой. При этом свобода понималась весьма

³ Аксаков К. С. Записки о внутреннем состоянии России // Ранние славянофилы. М., 1910.

своеобразно, а именно, не как свобода человека, а как свобода сообщества в соответствии с общим для всех законом, а несвобода – как жизнь сообщества под властью тирана. Предполагалось, что в управляемом законами, гармоничном и свободном сообществе все возникающие проблемы должны решаться путем открытого и рационального обсуждения, где каждый свободный, достигший совершеннолетия мужчина демонстрировал единство прав и обязанностей.

Идеалом общества были *kosmos* (порядок), *nomos* (закон) и «человек – в сообществе», а не индивид в его самоосуществлении. Права человека определялись его статусом в обществе. Под добродетелью понималась не способность жить, даже в соответствии с общечеловеческими ценностями, а способность быть человеком своего полиса. Ориентируясь на этот полис, Платон выводит необходимость идеального государства как авторитета власти с претензией на установление регламента жизни общества и жизни в обществе. По Платону, только идеальное государство может обеспечить гармонию между индивидуальной добродетелью и общественной справедливостью, разрешить противоречия между частью и целым, индивидом и сообществом, личностью и обществом. Но иллюзия идеального государства рассеивается при более пристальном изучении платоновской модели, где место человека занимает его общественная функция, где нет семьи и частной собственности как социальных факторов индивидуализации и самовыражения человека, где людей не лечат, ибо жизнь беспрестанного умирания никчемна, где нет искусства, ибо польза от него сомнительна⁴.

«Образец совершенного государства» подвергает критике уже Аристотель. Ученик Платона усомнился, что целое может быть счастливо, если хоть какая-то его часть не чувствует себя таковой. По Аристотелю, государство – это особая форма общежития граждан, включенных во власть. Главным субъектом государства выступает гражданин (полисный человек), активно участвующий в суде и управлении, реализующий единство и взаимосвязь гражданских прав и гражданских обязанностей. По Аристотелю, государство есть продолжение семьи, в которой прослеживаются три вида отношений: мужа и жены; отца и детей; господина и раба. Господская власть и власть домохозяина подготовили первую форму государства как авторитета власти – патриархальную монархию. Древнегреческий мыслитель полагал, что патриархальная монархия как особая форма правления наиболее оптимальна, если субъектом власти является добродетельный, рассудочный и мудрый человек, патриарх семейства. Монарх – бог среди людей, он – олицетворение закона. Все остальные формы правления, которые складывались в античном мире, противоестественны человеческой природе, ибо не учитывали природное неравенство людей, не принимали во внимание, что «цель человеческого общежития не в том, чтобы жить, а в том, чтобы жить счастливо», приумножая добродетель, красоту и мудрость⁵.

Средневековье с его парадигмой теоцентризма сместило акценты парадигмы космоцентризма. Приоритетной становится не идея государства, как олицетворение целого с претензией быть условием «гармонии между индивидуальной добродетелью и общественной справедливостью», а идея воздаяния с ориентиром на потусторонний мир рая или ада. Приоритетной ценностью выступает не общество, а человек в его отношении с Богом.

Но уже первоначальное накопление капитала и становление капиталистического способа производства с его ориентацией на рынок и фетишизацию товара, денег и капитала вновь актуализируют проблему государства. Эта проблема становится объектом пристального внимания со стороны Николло Макиавелли, Жана Бодена, Иоганна Альфутзия, Гуго Гроция, Томаса Мора, Томаса Гоббса, Джона Локка. Позже проблема государства «прочно посе-

⁴ Платон. Соч.: В 4 т. Т. 3. Государство. М., 1994.

⁵ Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. Политика.

ляется» в философии Просвещения и в немецкой классической философии с тем, чтобы найти свое развитие в постклассической философии.

Все исследователи едины в выводе о том, что государство возникает в эпоху цивилизации, когда реальностью стало товарное производство, когда рынок включил механизм региональных процессов развития в мировую историю, когда реальностью стали – господство частной собственности на средства производства и возможность включения каждого государства в качестве равноправного члена в мировое сообщество, а формула «человек – в сообществе» сменяется формулой «государство – в мировом сообществе».

Таким образом, государство – это то общественное явление, которое имеет свою социально-историческую природу. Оно возникает в период смены родоплеменных отношений отношениями обмена в условиях формирования семьи и частной собственности. Семья вызвала к жизни феномен частной собственности, а частная собственность обеспечила индивиду статус субъекта с претензией на самовыражение и самоосуществление. Отныне семьи объединялись в сообщество не по кровнородственному, а по территориальному признаку, на основе рыночных отношений. Общество заявляет о себе как социальная система воспроизводимых структур взаимосвязи, взаимодействия и взаимообусловленности⁶.

Территориальная общность рождала коллективные потребности, а стало быть, и общие интересы: решение проблемы внешней защиты или нападения; принятие единых правил общежития; выполнение тех общественных работ, от которых зависит оптимальное существование сообщества, но которые не в состоянии осуществить отдельно взятый индивид или его семья (строительство дорог, ирригационных сооружений, поддержка порядка, санитарии и т. д.).

Объективная потребность в силе, способной решить этот открытый ряд задач человеческого общежития, вызвала к жизни публичную власть в форме государства. Государство заявило о себе как авторитет власти. Публичная власть принципиально отличается от власти авторитета или коллективной власти родового общества. Это уже особый слой людей, составляющий бюрократию. Бюрократы профессионально решают задачи социального управления. Появление бюрократии значительно ускорило процесс общественного разделения труда. Реальностью стало социальное измерение человека, он заявил о себе как личность своего общества с претензией на определенный статус. Что касается публичной власти, то она заявила о своей универсальности. Она распространяется на все население. Абстрактное понятие «*nomos*», как проекция понятия «*kosmos*» на общество и его устройство, уступает место реальной нормативной базе. Нормативная пирамида общества, которая включала нормы архаики (табу и талион), нормы морали и религии, отныне закрепляется нормами права. Ключевыми ценностями права выступает жизнь, собственность, свобода, формальное равенство и справедливость как высшая форма выражения солидарности.

Публичная власть олицетворяет суверенность, ибо обладает не только верховенством внутри территориальной целостности конкретного сообщества, но и демонстрирует независимость в отношениях с другими государствами.

Публичная власть формирует особые органы социального управления и создает средства воздействия, которыми в обществе никто не располагает. Это армия, полиция, налоговые службы, суд, тюрьма.

В условиях осуществления публичной власти индивид обретает статус подданного с определенными правами и обязанностями. Право регламентирует общественные отношения и обеспечивает этот регламент санкциями государственной власти. Что касается терри-

⁶ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.

тории конкретного общества, то она объявляется нераздельной, неприкосновенной и неотчуждаемой.

Для осуществления общественных работ, организации социального управления, публичная власть в оговоренных размерах и в определенные сроки принудительно взимает налоги с населения на содержание бюрократии, армии и полиции, суда и мест заключения.

Все отмеченные признаки позволяют определить государство как особый институт общества, как претензии на авторитет власти. Авторитет власти возникает как следствие сложившихся рыночных отношений. Он характеризуется публичной властью, призванной решать дела общества и индивида, осуществляя свою деятельность на налоги, собираемые с населения.

Государство возникло в силу причин, ставивших под сомнение перспективу развития общества. Более того, эти причины могли бы уничтожить общество. Среди внешних причин можно рассматривать экспансию со стороны других сообществ. Среди внутренних причин можно назвать раздоры по поводу отношений обмена, распределения и потребления, а также необходимость контроля и исключения кровнородственных браков, ведущих к деградации потомства.

Первые государства возникают спонтанно, как правило, по инициативе тех людей, которые уяснили, что без волевого и организующего центра общество прекратит свое существование. Первоначально институт государства выполняет ограниченную военно-административную функцию, обеспечивая территориальную целостность страны и поддерживая административный порядок внутри страны. Олицетворяя авторитет власти, государство еще не выступает инструментом политики. Открытый ряд общественного сознания еще не пополнился формой политического сознания. Пройдет значительный период развития производительных сил общества и соответствующих им производственных отношений, когда экономические интересы малых и больших социальных групп, образующих социальную структуру, найдут свое отражение в форме политического сознания. Но, даже заявив о себе как о реальном факте, политическое сознание не скоро заявит о себе как «законодатель моды» общественного сознания. Это косвенное свидетельство того, что институт государства продолжал свое становление и в условиях Античного мира, и в условиях Средневековья. И только с оформлением капиталистического способа производства, когда традиционное общество сменяется индустриальным, политика предстает как концентрированное отражение и выражение экономики общества, фетишизации товара, денег и капитала.

Механизм взаимодействия экономики и политики имеет сложный и противоречивый характер. Экономическое господство требует своего завершения и закрепления через политику. Борьба за власть начинается с противостояния идей, а потом уже и людей. Консолидация людей в малые и большие социальные образования начинается с осознания ими своего объективного положения, своих коренных интересов и общих целей. Такое осознание зарождается в стихии повседневной жизнедеятельности человека. Но, оформляясь в политическое сознание людей, оно превращается в общественную силу со всеми вытекающими последствиями борьбы за власть. Основным вопросом политики, как искусства управления обществом, выступает вопрос о власти и о контроле человеческого фактора и средств его осуществления.

Политическое сознание по-разному проявляет себя на обыденном уровне и теоретическом. В первом случае оно возникает как естественное отражение условий быта и труда людей. В нем своеобразно и неповторимо сочетаются эмпирическое и рациональное, рассудочные формы и эмоции, представления сегодняшнего дня и сложившиеся традиции.

Отражая нужду и заботу человека, его повседневный опыт познания и самопознания, политическое сознание на обыденном уровне выступает повседневным средством ориентации человека в его жизнедеятельности. Оно полно драматизма, ибо отражает реальность

бытия в мире, особенно если это бытие напоминает «театр абсурда» с дилеммой «ужасного конца или ужаса без конца».

Обыденное политическое сознание нуждается в «поводыре» и обретает его в теоретическом сознании. Политическое сознание теоретического уровня критически анализирует содержание обыденного сознания, его стихийные взгляды и противоречивые представления, вычленив из массового сознания повседневности оптимальные идеи решения сложившихся проблем, подводя под них теоретическую базу. Эти идеи заявляют о своей привлекательности. Их адаптирует массовое сознание населения, и в конечном итоге они становятся материальной силой разрешения проблемных ситуаций, обретая силу идеала.

Идеал, будучи важнейшим компонентом мировоззрения, формирует психологическую установку на определенное отношение к повседневному бытию, замыкая цепь обыденного и теоретического сознания. Эта связь наиболее рельефно прослеживается на уровне общественной психологии и идеологии, взаимодействие которых является своеобразной «визитной карточкой» политического сознания, основанием доверия людей к собственному политическому опыту.

Если носителем общественной психологии выступают люди (малые или большие социальные группы), то субъектом идеологии являются специальные институты, в том числе институты государства, где на профессиональном уровне рассматривается проблема соотношения «стихийного» и «сознательного», систематизируется и обобщается информация эмпирического уровня, формируется механизм пропаганды, отрабатываются формы и методы распространения наработанных идей (идеалов) в массовом сознании общества, обеспечивается активность и направленность политического сознания, формируется политическая культура как компонент общей культуры. Наряду с политической культурой формируется и правовая культура.

С этого времени государство заявляет о себе как инструмент политики, а люди через свое политическое сознание осознают свою государственность, понимание того, что только через государство и с помощью государства они могут реализовать свои интересы. Кардинально изменяется соотношение функций государства в пользу внутренней функции, обеспечивающей регламент общества и гарантирующей безопасность жизни людей.

Традиционно сложились две точки зрения на сущность государства – одна либеральная, вторая – консервативная. Суть первой заключается в том, что государство рассматривается как гарант жизнедеятельности человека, обеспечивающий возможности его свободы, а стало быть, его самоосуществления и самовыражения.

Суть второй сводится к рассмотрению государства как инструмента, направленного на ограничение произвола, защиту устоев общества.

Но и в первом и во втором случае прослеживается мысль об историчности государства. Возникнув в ответ на общественную потребность, рано или поздно институт государства должен исчезнуть, исчерпав потенциал своих возможностей осуществлять потребность быть посредником в отношениях между индивидом и обществом, обществом и другим обществом.

Общество, которое перестало быть общиной, может существовать только в форме государственно организованного целого, где каждый индивид как часть целого чувствует и осознает себя государственным человеком, ибо верит и надеется, что государство – единственный социальный институт в мире рыночных отношений, противостоящий стихии рынка спроса и предложений и гарантирующий меру правопорядка. Государство стоит или должно стоять выше частных интересов и амбиций, руководствуясь только идеей целостности общества, обеспечивая взаимосвязь и взаимодействие в метасистеме «природа – общество – человек». Но, если государство не укоренено, или не выросло изнутри, а привнесено извне или сложилось под влиянием особых обстоятельств, то такое государ-

ство не может претендовать на авторитет власти. В обществе отчужденного государства люди предпочитают жить не по закону, а по понятиям. Место диалога власти и общества занимают произвол, обман и продажность коррумпированных чиновников.

Авторитет власти олицетворяет только то общество, которое вырастает из социокультурного пространства своей ойкумены, обеспечивая преемственность и эстафету с властью авторитета. Процесс становления и развития государства сложный и длительный во времени.

1.2. От авторитета власти к гражданскому обществу

Длительный период государство как субъект авторитета власти выступало единственной формой организации общественной жизни, организуя и направляя всякую социально значимую деятельность людей. Однако, как правило предполагает исключение, так и государственная деятельность предполагает возможность внесударственной общественной деятельности, объем которой постоянно увеличивается в условиях становления индустриального общества. Пристальное внимание к этой форме общественной деятельности привело к тому, что в работах мыслителей Нового времени и философии Просвещения появляется термин «гражданское общество», оформляется его идея, как своеобразный ответ на исторический вызов в форме новой проблемной ситуации, актуальность которой возрастала по мере развития индустриального общества. Становление последнего войдет в историю как эпоха модерна или эпоха «формальной рациональности».

Идея гражданского общества получает свое развитие в работах Т. Гоббса и Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и Ш. Монтескье. Если в работах мыслителей философии французского Просвещения гражданское общество рассматривается в позитивном плане, то негативный оттенок оно обретает в немецкой классической философии, особенно у Г. Гегеля⁷.

В последующее время интерес к проблеме гражданского общества ослабевает. Отчасти это объясняется тем, что место парадигмы «панрационализма» замещает философский плюрализм с ориентиром на приоритет проблемы человека и его индивидуальности, отчасти тем, что идея гражданского общества выполнила свое назначение как средство идеологического обеспечения буржуазных революций. И вероятно, еще и потому, что она обрела свое опредмеченное состояние в странах Старого и Нового Света, хотя этот вывод и не столь однозначен.

Спустя 150 лет идея гражданского общества получает второе рождение в связи с событиями 80-х годов в Восточной Европе, когда «холодное» противостояние Востока и Запада завершилось крахом мировой системы социализма. Однако анализ литературы по проблеме гражданского общества свидетельствует, что должного внимания она еще не получила.⁸

Идея гражданского общества XXI в. еще не имеет надлежащего концептуального оформления, а посему и не сложился тот уровень метатеории, который обеспечивает аксиоматический подход к рассмотрению заявленной проблемы. Вероятно, этим объясняются утверждения, что идея гражданского общества была всего лишь регулятивной нормой в канун буржуазных революций и не больше, а само гражданское общество оформляется только в эпоху раннеиндустриального этапа, чтобы уже во второй половине XIX в. трансформироваться в массовое общество и прекратить свое существование.⁹

Другие авторы полагают, что идея гражданского общества никогда не обрела своего опредмеченного состояния. Она никогда не выходила за рамки идеала.¹⁰

⁷ См.: Гегель. Философия права. М., 1991.

⁸ Гражданское общество: Теория, история, современность. М., 1999; Канетти Э. Масса и власть. М., 1997; Кассирер Э. Избранное: Опыт о человеке. М., 1998; Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998; Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996; Будь лицом: ценности гражданского общества: В 2 т. Томск, 1993; Гаджиев К. Гражданское общество и правовое государство // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 9; Черниловский З. М. Гражданское общество: Опыт исследования // Государство и право. 1992. № 6; Одицова А. В. Гражданское общество: Взгляд экономиста // Государство и право. 1992. № 8; Мамузов Н. И. Гражданское общество: Сущность и основные принципы // Правоведение. 1995. № 3.

⁹ Seligman A. B. The Idea of Civil Society. New York, 1992.

¹⁰ Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Frankfurt am-Main, 1990.

Третьи – пытаются рассматривать феномен гражданского общества в абсолютном отрыве от института государства, определяя гражданское общество как «ту ткань нашей совместной с другими жизни, которая для своего поддержания не нуждается в государстве, поскольку создается за счет низовых инициатив», опираясь на рынок и общественность.¹¹

Есть и те, кто высказывает мысль о том, что феномен гражданского общества, являясь творчеством и продуктом эпохи Нового времени, продолжает существовать и ныне, претерпевая исторические модификации.

Исследование феномена гражданского общества и многообразие взглядов на его сущность и перспективу сопряжено с попыткой решить проблему взаимосвязи и взаимодействия государства и гражданского общества, выявить правовое пространство этой взаимосвязи, определив статус государства и гражданского общества в системе общества.

Нет единого ответа и на вопрос, что есть гражданское общество в условиях XXI в. – как времени постмодерна и формирования индустриального общества. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уяснить истоки, проследить становление и рассмотреть развитие гражданского общества, изучить феномен человека, помня о том, что человек – это «чело – века», и в каждую историческую эпоху это «чело» уникально и неповторимо, но о своей неповторимости человек заявляет только в обществе и через общество.

В Древней Индии человек ориентирован на достижение нирваны через отрешение от всего земного. Он стремится к воссоединению атмана (души) с Брахмой (космическим духовным началом) и обретению духовной целостности.

В Древнем Китае человек повинуется потоку жизни, которая, в свою очередь подчиняется законам Дао как подлинному бытию мира. Из бытия мира все начинается и в него все возвращается, а посему человеку лучше следовать Дао, чем проявлять сомнительную активность. Этим определяется и предпочтение недеяния, чем деятельности без меры.

Ориентир на отрешение от земных интересов в первом случае, и ориентир на принцип недеяния во втором случае свидетельствуют, что Древний Восток не примет идею гражданского общества как среды высокой жизненной активности с определенной мерой ответственности за эту активность.

Иная картина складывается в Древней Греции, где парадигма космоцентризма начинает уступать место парадигме антропоцентризма. Последняя ориентирует человека на познание мира и самопознание с целью самоосуществления. Формируется особая культура стыда. Страх показаться нелепым определял поведение древнего грека, заставлял его быть лучшим среди многих других. Отсюда жажда первенства, которая нашла свое выражение в расцвете театра, риторики, эристики, вербальной философии, в организации и проведении Олимпийских игр.¹²

Победа в любом начинании всего лишь первый шаг к самовыражению и самореализации в «кругу своих», для которого характерны единство языка, совместная территория, общий рынок, совместимость, солидарность и взаимная польза, устойчивость и ролевое участие, надежда на справедливость.

В «кругу своих» права и обязанности совпадают. Древний грек как гражданин полиса имел права, которые совпадали с обязанностями. Он не только имел право участвовать в ритуалах, вершить судопроизводство, нести воинскую службу, но и обязан был осуществить это право. Право выступает как естественная система норм, регулирующих общественные отношения. Свобода гражданина древнегреческого полиса предполагала не столько меру произвола и самовыражения, сколько меру его ответственности. Так склады-

¹¹ Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. М., 1998. С. 89.

¹² Рожанский И. Д. Античный человек // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 282–298.

вались принципы общежития, где индивид еще не осознал свою индивидуальность, но уже заявил о себе как часть целого.

В эпоху Средневековья парадигма теоцентризма отводит человеку роль посредника Бога на земле. Человек есть существо духовное, устремленное в потусторонний мир. «Культуре стыда» парадигма теоцентризма противопоставляет «культуру вины», которая предполагает иную систему ценностей – суд совести, не зависящий от суда толпы. В рамках этой культуры человек ориентируется не на общественное мнение, а на признание своей вины перед Богом, на свое покаяние. Не от общины, не от полиса, а от конкретного индивида зависит его перспектива попасть в рай или ад. Акцент на индивидуальность, без которой не состоялось бы современное общежитие людей, свидетельствует о том, что Средневековье выше Античности настолько, насколько юность выше детства.

Антропоцентризм эпохи Возрождения редактирует теоцентризм Средневековья. Человек рассматривается в его земном предназначении. Он способен к самотворчеству. Способность к подражанию и к самотворчеству обеспечила эволюцию человека от животного состояния до существа с претензией выполнить особое предназначение в этом мире. Человек заявляет о своей свободе и праве выбора своей участи. Он выбирает и несет ответственность за этот выбор.

В эпоху Реформации при рассмотрении феномена человека и определении его статуса в значительной мере усиливается внимание к его социальной активности. Человек живет не для того, чтобы есть (в этом случае он ничем не отличается от животного), а для того, чтобы работать. Только в работе он может найти себя и выразить свою подлинную сущность, самоосуществиться. В труде и общении человек осознает свою индивидуальность и одновременно необходимость проекции и идентификации с определенной общностью людей, что обеспечивало последующее закрепление его принадлежности через символы социализации к гильдии, цеху, ордену, коммуне, сословию.

Отношение индивида к определенной социальной структуре обретает форму договорного отношения. Каждая упорядоченная социальная структура предполагает свой статус индивида по договору (пакту, контракту), его права и обязанности, а также конкретные стандарты и нормы общежития. Формируется ответственное бытие человека перед другим человеком, где мерой ответственности выступают честь, совесть и долг.

Общность людей на основе договорного начала, единые стандарты и нормы поведения обусловили новое качество общества, принципиально отличного от античного общества или средневекового сообщества.

Становление и развитие новоевропейской цивилизации уточняют типологию общностей людей, содержание договорных отношений, стандартов и норм общежития. Капиталистический способ производства расставляет свои акценты, формируя социальную структуру общества в соответствии с отношениями собственности на средства производства. Частная собственность на средства производства определяет роль каждой малой или большой социальной группы в организации общественного производства, определяет меру обмена, распределения и потребления произведенного продукта. В конечном итоге, частная собственность на средства производства определяет место этих социальных групп в исторически сложившейся системе общества, а стало быть, и место человека в этих группах, его социальное измерение.

Поскольку экономические отношения, связанные с господством частной собственности на средства производства, нуждаются в закреплении и освящении через политику и право, мораль и религию, то наряду с процессом самоорганизации эмансипированного гражданина складывается механизм оформления нового статуса государства как института авторитета власти. Функция защиты внешних границ и обеспечения территориаль-

ной целостности дополняются функцией регламента жизни общества. Государство заявляет о себе как авторитет власти.

Что касается процесса самоорганизации людей, то он изначально ориентирован на становление и развитие сообщества вольных людей, связанных чувством взаимной симпатии и товарищества, что сильнее кровных уз и территориальных связей¹³.

Базовыми ценностями этого сообщества выступают свобода и справедливость, милосердие и солидарность, взаимосвязь и взаимодействие, благожелательность и взаимодоверие, взаимопривязнь и взаимоуважение при одновременном дистанцировании от других. Последние при определенных условиях воспринимаются как чужие.

Государство как институт регламента жизни общества и его политической деятельности, а также идея гражданского общества как сообщества вольных граждан в проявлении их социальной активности образуют особое диалектическое противоречие, где люди выступают в двух ипостасях: как подданные государства и как граждане свободного общества, именуемого гражданским обществом. В конечном итоге, это противоречие обретает характер противостояния авторитета власти и авторитета народного согласия. Оно ставит под сомнение целостность индивида, разрывает его сущность и существование, сохраняя иллюзию их единства.

Поскольку экономическое отчуждение приводит к политическому, то индивид в ипостаси подданного оказывается отчужденным от власти бюрократии. Однако индивид в ипостаси гражданина стремится не только защитить, но и расширить пространство своей частной жизни, компенсировать свою политическую отчужденность через свою включенность в структурно организованные по интересам большие или малые социальные группы. Так складывалось гражданское общество как уникальное творчество новоевропейской цивилизации эпохи модерна с ориентиром на снятие конфликтов цивилизованным способом, апеллируя к взаимному доверию и не доводя проблемную ситуацию до вмешательства государства с его достаточно жесткими структурами. В результате оформляется новое качество отношений между подданным государства и гражданином гражданского общества как свободного сообщества равных людей, способных к творческому созиданию своего общежития и осуществлению своих потребностей.

В качестве ключевых ценностей гражданского общества заявила о себе **свобода** как условие и способ человеческого самоосуществления, отягощенного мерой персональной ответственности, а также **право** как мера справедливости.

В рамках гражданского общества свобода проявляется не так, как в границах государства, где человек заявляет о себе как существо пассивное, страдательное, ибо он объект внимания и манипулирования, заботы и наказания. В гражданском обществе человек заявляет о себе как существо автономное и суверенное. Он равный среди равных, ибо люди по своей воле объединились в сообщество и логично предположить, что они сами вырабатывают ценностные ориентиры, нормы и правила, которым и намерены следовать.

Мера свободы, а стало быть, и выбора в условиях гражданского общества несоизмеримо выше, чем в отношении «подданный – государство», хотя и в отношении «гражданин – сообщество» есть своя «ахиллесова пята». В обществе бал правит простое большинство. Большинство – это сила, но не всегда истина, что ведет к недоразумениям, амбициям, тяжбам, а в конечном итоге – к ослаблению единства сообщества. Меньшинство оказывается заложником большинства. Пока люди организуют свое сообщество на уровне процесса, они имеют возможность активно вмешиваться в свое творчество. Но как только это творчество обретает опредмеченные формы, оно получает относительную самостоятельность,

¹³ Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт написания ключевых политических понятий. М., 1997. С. 160–169.

независимость от тех, кто его созидал, ибо в своем развитии оно уже подчиняется своим законам, а не воле своих творцов (созидателей).

И, наконец, свобода имеет множество проявлений, но не все они оцениваются адекватно. Чаще всего это восприятие на уровне «так и должно быть». Что касается свободы как результата преодоления одной из форм отчуждения человека от собственности, власти и культуры, то эту свободу может оценить лишь тот, кто прошел дорогу от невольника до вольноотпущенника, преодолев путь заложника чужой воли. Нужно тяжело переболеть, чтобы осознать и должным образом оценить состояние здорового человека.

Если в обществе отсутствует свобода или она не оценивается должным образом, то там нет и условий для возникновения и становления гражданского общества. Особенность гражданского общества заключается в том, что его нельзя создавать искусственно там, где отсутствует реальная свобода и ее адекватное восприятие, где отсутствует понимание ее ценности.

Гражданское общество можно инициировать сверху, но нельзя создать директивным указом, ибо в основании гражданского общества заложен динамизм экономики и политики. Правда, это рождает иллюзию, что авторитарной системе все подвластно, что на базе абсолютного управления экономикой и рыночными отношениями можно создать и гражданское общество. По форме, может быть, и можно, но только не по содержанию. Динамичная экономика несовместима с тотальной централизацией власти. Она более отвечает гражданскому обществу с его модульными возможностями перекомпоновки своих структурных образований в соответствии с конъюнктурой рынка и рыночных отношений. Гражданское общество как сообщество свободных людей предполагает известную дистанцию между государством и экономикой, базисом и надстройкой.

Онтологическим основанием гражданского общества выступают рынок и его отношения, государства – политика и ее отношения.

Онтологическим основанием гражданина общества является собственность в предельно широком смысле этого слова, подданного государства – свобода в ее правовом измерении.

Поскольку экономические отношения нуждаются в политическом и правовом закреплении, постольку возможен и даже необходим «симбиоз» государства и гражданского общества, ибо политические и социально-экономические отношения являются «скрепами» не только общества, но и человека. Без этого единства человек теряет свою интегративную целостность, свое духовное равновесие, свою общественную сущность, а общество превращается в механический конгломерат людей, в толпу.

В истории становления и развития этого тандема можно выделить этапы, где принцип паритета и форма мирного сосуществования уступали месту принципу приоритета и форме экспансии по отношению к другому. В историческом плане равновесие скорее исключение, чем правило. Примером доминанты государства может быть тоталитарная политическая система абсолютной власти. Примером доминанты гражданского общества может служить демократическая система либерализма, где государство является всего лишь средством, а не самоценностью, где на первом месте стоят социально-экономические отношения, где идеологический монизм уступает место мировоззренческому плюрализму.

Общество, основанное на базе материального производства и рынка, оптимально может существовать и развиваться только на основе заявленного симбиоза государства и гражданского общества. Если институт государства блокирует возможности этого тандема, подрывает устои гражданского общества, тогда реальностью становится модель авторитарного или тоталитарного режима.

Гражданское общество заявляет о себе как естественная форма оппозиции авторитету власти. Нормой гражданского общества является подчинение индивида договорным отно-

шениям. Только в гражданском обществе индивид обретает статус субъекта свободы и юридического лица, освобождаясь от статуса быть заложником чужой политической воли, объектом манипулирования, пребывать в ипостаси только физического лица.

При всей кажущейся предпочтительности гражданского общества по сравнению с государством нужно исходить не из абстрактных пожеланий сделать общественную жизнь более человеческой, а принимать во внимание законы истории и специфику развития конкретного общества.

Гражданское общество возникает там и только тогда, где и когда институт государства уже не в состоянии оптимально выполнять функции регламента общественных отношений, где созрели предпосылки гражданского компромисса и мировоззренческого плюрализма; где складывается совокупность общественных институтов, имеющих собственный статус и способных к равноправному диалогу с институтом государства, способных противостоять политической экспансии государства, быть его противовесом; сдерживать его стремление к монополии, превращению из системы обеспечения развития общества в систему самообеспечения, где авторитет власти существенно редактируется состоянием гражданского общества.

Проблема взаимосвязи и взаимообусловленности гражданского общества и государства – это «отраженный свет» проблемы взаимосвязи воли властителя и воли подданных. Еще Аристотель в своей «Политике» обосновал тезис о том, что вне полиса человек не может быть человеком, ибо «по природе своей (человек. – *И. К.*) есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек...»¹⁴

Перспективу имеет только среднее положение, исключаящее как эгоистическое своеволие индивида, так и абсолютную волю авторитета власти в лице государства, обретающей форму права как воли, возведенной в закон для подданных (подвластных).

В условиях становления и развития новоевропейской цивилизации реальностью выступает подданный государства. Принимая нормы общественного порядка, он оказывается разорванным между волевым императивом прав человека и управленческой целесообразностью бюрократии. Бюрократия является воплощением авторитета власти, ее инструментом.

Воля «человека-винтика» входит в противоречие с волей «государственной машины», когда в процессе повседневности права конкретного человека нарушаются ради сохранения конституционных прав абстрактного человека.

Только через гражданское общество открывается возможность, если не преодолеть отмеченное противоречие, то хотя бы сгладить его остроту. Эту возможность отдельно взятый человек обретает через механизм своей социализации, который включает проекцию, идентификацию и социальную символизацию. Через механизм социализации он отождествляет себя с интересами одной из больших или малых социальных групп. Факт отождествления своих интересов с интересом одной из социальных групп выводит отдельно взятого человека из состояния «без вины виноватого страдательного начала», рождает уверенность в силу «круга своих» отстаивать свое право на реализацию своего интереса. Он обретает уверенность в солидарности «своих» и надежду на осуществление справедливости. В этом случае интерес выступает не как форма выражения витальных потребностей, не как безличная и нейтральная конструкция, а как образ воли к самовыражению и самоосуществлению, который многократно приумножается в «кругу своих».

¹⁴ Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. С. 378.

Механизм проекции, идентификации и социальной символизации закрепляет дифференциацию общества, становление экономической децентрализации и оформление мировоззренческого плюрализма. Экономическая децентрализация и мировоззренческий плюрализм являются существенными признаками индустриального общества эпохи модерна. Они и заложили предпосылки возникновения и становления гражданского общества.

Возникновению гражданского общества способствовала и особая культура индустриального общества с ориентиром на репродуктивную деятельность. В рамках этой культуры индивид получает возможность не только избрать профессию, но и освоить ее на теоретическом и практическом уровне. Он может сменить свои ценностные ориентиры, обрести новый социальный статус и принадлежность к новой социальной группе, заявив о себе, что он не раб, а господин своей воли.

Появление гражданского общества, как справедливо отмечает Э. Геллнер, размыкает жесткую связь социальной жизни и авторитета власти. В отличие от императивов государства, гражданское общество не претендует на статус священного института. Оно изначально аморфно и плюралистично, самоиронично и самокритично.¹⁵ Индивид в гражданском обществе получает возможность большего выбора вариантов своего бытия в обществе, что не исключает, а предполагает ответственность за этот выбор. Тогда как в условиях тоталитарного режима бытие человека, как правило, является выбором без выбора, но и без какой-либо ответственности за свое бытие. В условиях тоталитарного режима, абсолютного авторитета власти, индивид не выбирает свое бытие, а получает его.

Эпоха модерна, положив начало гражданскому обществу европейской реальности, несла на себе печать антропоцентризма и рационализма. Она декларировала самоценность человека. Ее лозунги рождали надежду на светлое будущее и эта надежда подкреплялась ставкой на разум и его возможности.

Идеи свободы, равенства и братства разрушили традиционное общество, заявив о приоритете культуры и торжестве разума. Если традиционное общество апеллировало к авторитету веры, то эпоха модерна как эпоха формальной рациональности, подорвав традицию, разрушила не только веру в Бога, но и веру в абсолютность нравственных норм. Мораль перестала играть роль стабилизирующего фактора общественной жизни. Она стала частным делом индивида. Место морали занимает право с его способностью рационализировать регламент общественных отношений, сделать общество абсолютно прозрачным. Свобода объявляется высшей ценностью эпохи модерна, а право обретает атрибутивно-императивный характер, где атрибутивность представлена набором возможных диспозитивных норм, а императивность – обязательностью и санкциями по их исполнению. Право заявляет о себе как мера порядка и мерило справедливости.

В хозяйственной сфере свобода рыночной экономики основывалась на идее, что логика рынка, ориентированная на отношение спроса – предложения, является наиболее рациональной. Спрос диктует предложение, а предложение редактирует остроту спроса, что находит свое выражение в механизме ценообразования.

В политической сфере свобода обеспечила переход к либерально-демократическому порядку, в условиях которого религия объявлялась личным делом отдельно взятого человека, а место монархии заняла парламентская республика.

В итоге рационализации общественной жизни сложилась новоевропейская цивилизация с претензией обеспечить «царство человека на земле». Но в своем становлении и развитии она продемонстрировала не столько торжество разума, сколько диктат формы в диапазоне: «формализовать», «ограничить», «определить», «упорядочить», «покорить». Право

¹⁵ Геллнер Э. Условия свободы. М., 1995. С. 105–111.

рассматривается как воля экономически и политически господствующего класса, возведенная в силу закона.

Превращение науки как опредмеченной формы разума в непосредственно производительную силу общества существенно расширило возможности материального производства. Покоренная природа превратилась в испытательный полигон, а человек оказался объектом эксперимента. Экспансия в адрес природы обернулась усилением процесса отчуждения человека. Формальная рациональность обретает свою противоположность. Она заявляет о себе как социальная иррациональность.

Иррациональность экономики проявилась в механизме фетишизации товара, денег и капитала.

Иррациональность в политике заявила о себе инверсией бюрократии в бюрократизм, приоритетом закона над правом.

Иррациональность в культуре проявилась в засилье массовой культуры, в недооценке общечеловеческих ценностей, что привело к расщеплению единого смыслового поля культуры на множество обособленных сфер.

Техногенная цивилизация существенно потеснила культуру, место биофилии заняла некрофилия¹⁶. Персонификация общественных отношений и деперсонификация людей стали нормой.

Социальная иррациональность заявляет о себе реакцией отчужденного человека, переживающего свое состояние в интервале от осознания своего бессилия до желания использовать социально не одобряемые средства и способы решения своих проблем в отношениях с миром.

Формализация политической и общественной жизни нарушила зыбкое равновесие института государства и института гражданского общества. Превращение бюрократии в бюрократизм привело к инверсии государства в систему самообеспечения. Государство «выламывается» из общества и заявляет о себе как абсолютная ценность, стоящая над обществом. В этих условиях гражданское общество угасает. Его ценностные ориентиры перестают работать.

Процесс дифференциации общественной жизни, усиленный культурным плюрализмом, ослабил гражданское общество, сделал его формальным. Общество как структура взаимосвязанных элементов обрело тенденцию быть, скорее, метасистемой чем системой, ибо каждый его элемент (сфера) заявил о своей самодостаточности и претензии на системность.

Реальностью стало накопление деструктивных сил, ставящих под сомнение незыблемость порядка, устоев общественной жизни. Все это привело к тому, что в научных кругах одни заговорили о «конце истории»,¹⁷ другие о том, что новоевропейская цивилизация переживает кризис, ибо она перестала обеспечивать тот минимум солидарности и справедливости, который необходим для нормального функционирования сообщества. Ослабление солидарных связей делает гражданина сообщества не просто подданным государства, но и заложником его политики.¹⁸

Поскольку современное государство характеризуется неопределенностью и непредсказуемостью, то это позволило французскому мыслителю Ж.-Ф. Лиотару назвать современное общество обществом переходного периода. И это состояние он характеризовал

¹⁶ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

¹⁷ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 155.

¹⁸ Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997; Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985; Марсель Г. Люди против гуманности // Философские науки. 1994. № 1–3.

как «ситуацию постмодерна», где старая шкала ценностей не работает, а новая еще не сложилась.¹⁹

Современный этап общественного развития требует пересмотра привычных форм общественной жизни. В них исчезло ощущение «Мы», ориентированное на достижение справедливости и солидарности. Только в малых социальных образованиях современный человек находит то, чего не дает ему «большое» сообщество. Только в границах «своей колонии» он еще находит понимание и сочувствие, солидарность и надежду на справедливость, ибо все эти социальные характеристики имеют не абстрактный, а вполне конкретный характер, утверждающий нравственные начала общественной жизни.

В малых социальных образованиях трудно исказить информацию, а посему трудно манипулировать и общественным мнением. Открытость этих образований обуславливает непосредственное участие людей в самоуправлении, заставляет их добровольно брать на себя меру ответственности за себя и других, обеспечивая устойчивость и прочность единства как общественного бытия, так и общественного сознания. Солидарное «малое» общество ориентировано на принцип справедливости, а поэтому оно нуждается не столько в праве, сколько в морали, выполняющей роль социального регулятора с опорой на общественное мнение.

Несмотря на привлекательность малых социальных образований, необходимость гражданского общества и государства в современных условиях постмодерна не подлежит сомнению. Но реализация этой необходимости обуславливает иное качество и гражданского общества, и государства. Это уже должно быть иное гражданское общество и иное государство, где атрибутивно-императивное право авторитета власти сомкнется с нравственным началом взаимосвязи общества и человека. Этот тандем обязан переступить через этап формальной рационализации. Только устранив свою иррациональность, он может обрести желаемое качество. Государство, как олицетворение авторитета власти, должно оставаться гарантом безопасности от внешней агрессии и внутреннего раскола, не занимаясь «мелочным» вмешательством в поведение своих подданных и не вторгаясь в частную жизнь граждан сообщества. Оно должно оставаться одним из структурно организованных элементов общества до тех пор, пока оно не исчерпало свои возможности и свою необходимость.

Что касается гражданского общества, то для него в условиях формирования новой шкалы ценностных ориентиров актуализируется проблема совмещения личного, общественного и корпоративного начал, проблема взаимосвязи малых социальных образований на принципах суверенитета, не отдавая предпочтения ни одному из них.

Это новое качество «симбиоза» государства и гражданского общества проверяется мерой солидарности и справедливости, способностью решать диалектическое противоречие между гражданином сообщества и подданным государства, между гражданским сообществом и государством, обеспечивая интегративную целостность индивида; обеспечивая не иллюзорное, а подлинное равновесие основных институтов общества, в качестве которых выступает государство и самоуправление, капитал и труд, а также семья. Последняя обеспечивает истоки гражданского общества, его воспроизводство, неся на себе печать всех существующих противоречий общества. Между компонентами, составляющими структуру современного общества, возможны противоречия любой силы. Но эти противоречия разрешимы в условиях взаимосвязи правового государства и гражданского общества, той взаимосвязи, которая обеспечивает самоорганизацию общества как системы. Эта система предоставляет своим гражданам определенную меру свободы самоосуществления, солидарности и справедливости, а также гражданского согласия. Поэтому третье тысячелетие может и должно проходить только под знаком становления и развития нового качества государства

¹⁹ ЛюотарЖ.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.

и гражданского общества с последующей трансформацией авторитета власти в новое состояние власти авторитета, базовым основанием которой будет выступать гражданское согласие²⁰.

Выполнив свое назначение, государство в своей претензии на авторитет власти прекратит свое существование, и тогда начнется подлинная история человечества, человеческого духа, и только тогда человечество оптимальным способом решит проблему единства индивидуальной добродетели и общественной справедливости, которую сформулировал древнегреческий мыслитель Платон, завещая решение этой проблемы потомкам.

В отличие от государства, гражданское общество имеет длительную перспективу, ибо для человечества противопоставлен тоталитарный централизм власти. Человечество не может вернуться и к традиционному обществу. Оно может двигаться в своем развитии только к сообществу свободных людей, ориентированных на меру солидарности, справедливости и гражданского согласия, преодолевая издержки индустриального и информационного общества. Поэтому можно лишь отчасти согласиться с Э. Геллнером, что идею гражданского общества сегодня извлекли почти из небытия.²¹ Отчасти, ибо этому «извлечению» предшествовали кардинальные изменения. Новоевропейская цивилизация простилась с эпохой модерна, с эпохой иллюзий панрационализма и надежд, связанных с деятельностью государства. Другими словами, субъективный интерес к проблеме гражданского общества детерминирован новыми объективными обстоятельствами развития человечества на рубеже третьего тысячелетия.

Крупнейший мыслитель первой половины XX в. С. Л. Франк в своей последней работе «Свет во тьме» писал, что сто лет тому назад А. И. Герцен предсказывал нашествие «Чингисхана с телеграфами» и это предсказание оправдалось. Новый дестроер, родившись в недрах Европы, обрушился на мир силой танков и самолетов, концлагерей и газовых камер. И виной тому не отдельный народ или его доктрина: «Германия превыше всего», а духовная болезнь тех, кто воспринял эту доктрину снисходительно, терпимо и даже благосклонно, хотя еще вчера ориентировался на общепризнанных представителей гуманизма и наставников человечества, таких, как И. Кант или И. Гете.²²

Сегодня, когда в мире обозначился переходный период, каковым в Европе является время постмодерна, а в России – переход к иному обществу, старые ценностные ориентиры перестают работать, а новые ориентиры еще не сложились, – возникает возможность очередного «впадения в варварство», возникает возможность появления очередного «Чингисхана», но уже с «сотовым телефоном» и возможностями массового истребления людей, уничтожения памятников культуры на порядок выше прежнего.

И чтобы эта возможность не стала реальностью, бесчеловечной машине авторитета власти общество должно противопоставить новое качество власти авторитета, включив в общественную жизнь институты гражданского согласия и гражданского общества. Только в этом случае можно блокировать культ духа ненависти и презрения к человеческой жизни, обрести достойную перспективу, помня о том, что история человечества проходит свое развитие под знаком двух факторов: насилия и свободы. Что касается фактора насилия, то он опирается на принцип «не заметить человека, переступить через него, использовать его как средство сомнительных целей». Фактор свободы в этом отношении предпочтительнее. Он гарантирует подлинные права человека, включая право на самоосуществление, самовыражение и самореализацию.

²⁰ Становление институтов гражданского общества: Россия и международный опыт//Материалы международного симпозиума. М., 1995.

²¹ Геллнер Э. Условия свободы. С. 11.

²² Франк С. Л. Свет во тьме. М., 1998. С. 33.

1.3. Гражданское согласие как предпосылка нового качества власти авторитета

Второе прочтение идеи гражданского общества в условиях трансформационных процессов постсоветского пространства имеет своих сторонников и противников. Вторые полагают, что нынешняя востребованность идеи гражданского общества обусловлена исключительно идеологическими соображениями и что она несет на себе печать политической ангажированности.

В условиях необходимости очередной «инвентаризации» ценностных ориентиров, которая заявляет о себе как исторический вызов, поиск достойного ответа через обращение к идее гражданского общества вполне правомочен. Любая проблемная ситуация начинается с идеи ее решения, и эта идея должна быть добротной во всех смыслах. Будучи подготовленной «интеллектуальным меньшинством», идея будет адаптирована консервативным большинством (населением), но только в том случае, если ее эвристический потенциал будет очевидным. Только в этом случае усилия теоретического сознания получают свою пролонгацию на уровне обыденного сознания. И только тогда идея решения проблемы заявит о себе как материальная сила, а не ее фикция.

В случае с гражданской идеей в пользу первого варианта свидетельствует ее исторический опыт (новое – это подчас хорошо забытое старое), а также базовые основания этой идеи и ее осуществление через проекцию экономических, политических, социокультурных и правовых основ.

Основу протогражданского общества составляет «экономический» человек, субъект собственности. Только через собственность, как «наличное бытие человека, его общественную волю, объективированную субъективность», человек может проявить свою социальную активность. Только через собственность своего бытия человек может заявить свое несогласие служить объектом манипулирования, быть средством сомнительных целей. Только через собственность человек может инициировать гражданские инициативы.

Собственность человека – это не вещи (блага), ему принадлежащие, а сам человек в его самости и самодостаточности. Это его волевое отношение к миру и к самому себе. Когда человек выполняет чужую волю, является заложником этой воли, он не является субъектом собственности. В этом случае он выступает объектом собственности, является чужой собственностью.

Первое проявление отношения собственности – это волевое отношение в системе «субъект – объект», которое заявляет о себе через процесс объективации и субъективности в форме идеального; второе проявление отношения собственности – это вступление в овладение через материальное; третье проявление отношения собственности – потребление материального через его субъективацию и формирование потребности в благе. Высшим благом для человека является его жизнь, а первоценностью жизни – мысль человека, его способность к рефлексии на уровне самости как подлинной собственности.

Присвоение через отчуждение и отчуждение через присвоение есть обмен как предпосылка рынка и рыночных отношений, где индивидуальное «я» обретает характер социального «я». В обмене и через обмен субъект вступает в отношение не столько с вещами, сколько с другими людьми, где каждый, в первую очередь, заявляет о своем статусе собственности. На этом этапе отношение собственности выступает как общественное отношение, которое предполагает наличие уже не одной воли, а, по меньшей мере, двух и больше, что предполагает в конечном итоге гражданский договор как форму согласованной, коллективной воли. Только так становится возможной сделка «купли-продажи», только так складываются

предпосылки гражданского общества. Процесс движения от первого проявления отношения собственности до общественного отношения согласованной воли достаточно сложный и на каждом этапе может подвергаться внешним воздействиям, из-за которых гражданское общество может и не состояться или затормозить свое становление.

Эмпирическая модель Средневековья демонстрирует длительный путь освобождения воли, обретения свободы как формы проявления воли, формирования субъекта деятельности как формы практической воли через отношение к другому, где деятельность выступает способом бытия человека, а конкретное социальное пространство и конкретное историческое время – формами проявления и осуществления этого бытия.

Через деятельность, обмен и систему общественных отношений с «другим» шло становление городских поселений и их самоуправления. Последнее заявило о себе как прото-гражданское общество или гражданское общество в его становлении. «Ахиллесовой пятой» этого общества была структура отношений в системе «мастер – подмастерье – ученик», которая начисто перечеркивала возможность социально-политического единства, а, стало быть, и достижения состояния гомогенности. Отсутствие гомогенности обуславливало усиление вертикали власти. Всякая попытка участия в делах авторитета власти только вела к усилению процесса социальной дифференциации общества.

Последующее развитие общества связано с углублением экономического неравенства и последующей борьбы за власть, в ходе которой идея несостоявшегося гражданского общества была использована как средство идеологического обеспечения буржуазных революций. Победа буржуазии и утверждение капиталистического способа производства отнюдь не стали фактором развития гражданского общества. Фетишизация товара, денег и капитала вела к централизации власти через усиление государства, которое вмешивается не только в регулирование финансового потока, но и в систему общественных отношений, ставя под жесткий контроль те «горизонтальные» отношения, которые составляют стержень гражданского общества.

Благоприятно складывалась судьба гражданского общества в Америке, где его источником выступила городская община разных, но равных людей. И хотя это общество складывалось спонтанно и не имело онтологической укорененности (собственной ойкумены), оно имело больше шансов состояться в качестве гражданского общества, используя наработанный европейский опыт. Но оно не состоялось по причине мирового экономического кризиса, который актуализировал проблему передела мира и вступление США в Первую мировую войну. Последнее обстоятельство вело к усилению института государства. Государство взяло на себя не только контроль финансового обеспечения военной операции, но и обеспечило жесткий контроль состояния общественных отношений, являющихся прерогативой гражданского общества. В результате гражданское общество остановилось в своем развитии, трансформировалось в механическую совокупность солидарных образований, каждое с ориентиром на «собственную колокольню».

Что касается России, то в ней изначально отсутствовали основания гражданского общества, ибо ни в крестьянской общине, ни в городских поселениях не было должного уровня свободной воли, а стало быть, не было и согласованной воли, обеспечивающей гражданское общество в его становлении и развитии.

Не было – не означает, что в гражданском обществе нет необходимости. Если страны постсоветского пространства заявили о построении правового государства, то они должны создавать возможности становления гражданского общества, ибо без гражданского общества все заявления о строительстве правового государства носят характер декларации, и не больше. Общество может успешно развиваться только в том случае, когда его элементы структурно организованы и по вертикали, и по горизонтали, когда оно сильно и государством и гражданским оплотом.

Формирование правового государства тщетно, если оно не предполагает целесообразное существование суверенных людей, равных и обладающих частной собственностью как условием их самовыражения и самоосуществления. К сожалению, реформы переходного периода не только не сформировали так называемый средний класс (становой хребет гражданского общества), а наоборот, отодвинули эту цель. Пока что идет процесс поляризации общества на очень богатых и очень бедных людей, на опасность которой указывал еще Аристотель в своей «Афинской политике». Древнегреческий мыслитель полагал, что общество должно придерживаться середины между излишеством и недостатком, ибо излишества порождают обожравшихся наглецов, а недостаток – опустившихся подлецов; а вместе они ставят под сомнение перспективу как развития общества, так и благополучия личности.

Благополучие личности, ее самовыражение (свободное проявление воли), определяются ее суверенностью и ее собственностью. Только «экономический человек» делает гражданское общество возможным.

Политические параметры гражданского общества связаны не с вопросом «что есть гражданское общество», а с вопросом «что оно может».

Функциональная направленность гражданского общества явилась предметом неугасающего спора, истоки которого восходят к античности. Для большинства концепций характерно стремление определить отношение между частной и публичной, индивидуальной и общественной сферами, нравственностью и моралью, правом и законом, желаниями индивида и общественными потребностями. Другими словами, налицо попытка решить проблему, которую сформулировал еще древнегреческий мыслитель Платон: «Как обеспечить гармонию между индивидуальной добродетелью и общественной справедливостью?»

В ходе перманентной дискуссии по проблеме гражданского общества сложился и его критерий. В качестве критерия гражданского общества рассматривается наличие или отсутствие гражданского коллектива как ассоциации равноправных, свободных, а стало быть, автономных и активно действующих индивидов, с ориентиром на собственное благо и благо общества, ибо их частная жизнь протекает в сфере публичной жизни.

Существенной характеристикой гражданского общества является сфера частной жизни, в которой физическое лицо реализует частные интересы, где свободная и самоопределяющаяся индивидуальность выдвигает свои требования, ориентированные на удовлетворение своих потребностей. Но эта сфера личной жизни предполагает наличие и сферы публичной жизни. Более того, без второй не состоится первая. Если в сфере личной жизни деятельность индивидов заявляет о себе как объективный способ их бытия в мире, то публичная жизнь этих индивидов заявляет о себе как социальное пространство, как форма проявления индивидуального бытия в мире.

В пределах публичной сферы уравнивается социальная активность индивидов, формируется отношение «я и другой», оформляется солидарное «мы», обусловленное однотипными интересами. Этот процесс упорядочения общественных отношений снимает обострение противоречий в системе «я и другой», блокирует механизм перманентной «войны всех против всех». Место нетерпимости и ненависти занимают терпение и терпимость. Общество реализует принцип толерантности. Диалектика единичного и общего, частного и публичного обеспечивает единство эгоизма и альтруизма человека, его целостность.

В историческом плане проблема соотношения единичного и общего складывалась в ходе дискуссии о сосуществовании личности и общества, общества и государства. Истоки этой дискуссии заложила политическая философия Платона и Аристотеля. Платоновская концепция нашла свое отражение в философии Аврелия Августина «О граде Божием». Аристотелевская концепция получила свое выражение в философии Фомы Аквинского.

Для Августина «град Божий» есть воплощенная форма идеального платоновского государства, принципиально отличная от «града земного». Следуя евангельскому наставле-

нию «воздайте кесарю кесарево, а Богу богово», Августин закладывал основания демаркационной линии не столько между духовной и светской властью, сколько между обществом и государством.

Аристотелевская концепция полисной ассоциации и политического (общественного) человека была востребована в политической философии Фомы Аквинского. Государство – не продукт греха, а результат общественной природы человека. Государство является инструментом положительного благосостояния. Оно служит обществу и общественному человеку. Правитель, будучи ответственным за благосостояние общества, является провозвестником блага, которое он приближает силой закона. Закон – это веление разума, направленного на общественное благо. Он содержит в себе волю и разум правителя. Так оформлялась модель государства как внеличностная целостность, воплощавшаяся в фигуре монарха.

Разделяя вслед за Аристотелем формы правления на монархию, аристократию и демократию, Фома Аквинский предпочтение отдал первой, ибо она оптимально обеспечивала общественное благосостояние, воплощая единство цели и воли монарха. Критерием формы правления выступала мера «всеобщего благоденствия».

Определив в качестве критерия меру всеобщего благоденствия, мыслитель тем самым определил свое отношение к государству. Функции государства не должны ограничиваться только охраной порядка и обеспечением защиты от внешней экспансии. По мнению философа, государство должно взять на себя заботу об экономической стороне жизни общества, которая составляет его базис. Государство должно контролировать рынок, обеспечивая равенство и свободу товаропроизводителей и потребителей. Оно должно препятствовать получению несправедливых доходов, защищая справедливые цены на товар и плату за труд, способствовать всеобщему благоденствию. Фома Аквинский одним из первых заявил о целесообразности социального законодательства как основной функции государства, защищая идею предела государственного вмешательства в частную жизнь людей и одновременно рассматривая государство как форму организации «нормальной жизни общества и личности».

В эпоху Ренессанса и Реформации²³, когда была подорвана духовная монополия церкви, определилась тенденция формирования национальных государств. Под знаменем меркантилизма формировалось экономическое пространство, складывалась культура приоритета экономических отношений. Модель «церковь – государство» уступала место модели «государство – церковь». Реальностью становилось государство как внеличностная целостность, воплощавшаяся в фигуре монарха.

Если Античность решала проблему интегративной системы «общество – государство», то увертюра к Новому времени конституировала государство в качестве института власти, гаранта прав и обязанностей. Пролог к Новому времени сделал заявку на самостоятельность государства, его независимость от общества. Более того, в этот период складывалась претензия государства стать над обществом и похоронить традиции тождества государства и общества.

Претензия государства быть силой вне общества и над обществом покоилась на присвоении государством права. Государство не только присваивает право, но и реализует его силу через закон. Без определенного обеспечения, право всего лишь абстракция, декларация, атрибут общества. Право, обеспеченное санкциями государства, добавляет к своей атрибутивности императивность. Оно обретает характер не только целесообразности, но и обязательности. В отличие от общества, государство не только провозглашает, но и гарантирует права и обязанности тех, кого оно представляет.

²³ Это было время первоначального накопления капитала, время торжества принципов: «Победителя не судят», «Цель оправдывает средства».

Реакцией на господство абсолютной власти в лице монархии стали буржуазные революции. Место монархического государства заняло буржуазное, всеохватывающее государство. Национальный суверенитет означал абсолютную власть нации, действующей через своих представителей. Это было заявлено и обосновано в теории, а на практике государство реализует волю экономически господствующего класса.

В условиях «пещерного» капитализма государство вмешивается и в публичную, и в частную жизнь людей. Выполняя волю экономически господствующего класса, государство вмешивается в дела церкви, подавляет ремесленные и торговые гильдии, ликвидирует рабочие ассоциации, осуществляет жесткий контроль над университетами, формирует особую буржуазную культуру как слагаемое политической и правовой культуры, этической и эстетической и т. д. Оно создает элитарную культуру, которая реализует концепцию корпоративной демократии избранных, и оно обеспечивает индустрию массовой культуры.

Под влиянием Французской революции и «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо юристы и философы в Германии идеализируют народ. С точки зрения представителей немецкой классической философии И. Фихте, Г. Гегеля, народ выступает носителем целостного мировоззрения. Он является воплощенным субъективным духом, действующим во имя своих собственных целей. Народ в ипостаси субъективного духа идентифицируется с обществом, государством и личностью правителя. На уровне теории это впечатляет, а на уровне практики порождает проблему «маленького человека», который растворился и потерялся в народе.

В соответствии с гегелевской триадой: «тезис – антитезис – синтез», тезис есть внешняя форма реализации права через политику. В этой ипостаси право регулирует сферу производства и торговли, контролирует развитие гражданского (буржуазного) общества. Антитезис – это внутренняя реализация права через нравственность. В этой ипостаси право устанавливает систему правил, регулирующих поведение людей. Различие между внешним законом и требованиями совести на индивидуальном уровне, постоянная напряженность этого различия требуют синтеза в форме внешнего и внутреннего требования. В качестве синтеза «тезиса и антитезиса» выступает деятельность государства как носителя согласованной воли нации, носителя народного духа. Гегелевская концепция вписала свою версию в решение проблемы общего и единичного, публичного и частного. Она предложила заменить модель «король-государство» моделью «государство-общество», рассматривая возможность их тождества на определенном этапе сосуществования, когда гражданское общество (по Гегелю буржуазное) в своем развитии становится основанием истинного государства, возникающего в результате синтеза права и нравственности.

Но уже младогегельянец К. Маркс отмечает, что в условиях тройной фетишизации товара, денег и капитала, воспроизводимых капиталистическим способом производства, реальностью становится персонификация человека, превращение его в общественную функцию. Отчуждение природы от общества, а человека от природы и общества исключает возможность осуществления гегелевской концепции «истинного государства». Место истинного государства занимает государственная машина, обеспечивающая развитие общества в интересах экономически господствующего класса.

Экономическое господство закрепляется политической властью и соответствующим уровнем политических отношений, благодаря чему в правовом поле авторитет власти обретает легитимность. Но при любом раскладе общество сохраняет перспективу стать выше классового противоречия и обрести статус гражданского общества, где все соблюдают правила общежития без каких-либо принуждений, руководствуясь побуждением жить в человеческом обществе и быть общественным человеком, где политика заявляет о себе как искусство управлять, обеспечивать регламент жизни общества. Возможность гражд-

данского общества при определенных условиях политическими средствами превращается в действительность.

Социокультурные основания гражданского общества представлены «многоцветьем» сообщества людей, их обычаями и традициями, производством и потреблением, частной жизнью, различиями пола, этноса и т. д.

Все это «многоцветье» можно ранжировать, рассмотрев бытие человека в мире вещей, в мире идей и в мире людей. Такое разделение исключает механическую связь человека в системе «природа – общество – человек», а главное – дает возможность преодолеть ряд бесконечного перечисления, выделив основные и второстепенные стороны бытия человека.

Бытие человека в «мире вещей» определяется сложившимся способом производства и тем местом, которое занимает в нем конкретный индивид в зависимости от его отношения к средствам производства, участия в организации производства, обмена и распределения.

Что касается бытия человека в «мире идей», то оно определяется на стыке общего и единичного, общественного и индивидуального и в этом случае правомерно выделять бытие политическое и правовое, этическое и эстетическое, религиозное и философское. То бытие, которое формирует духовный мир человека, духовную жизнь общества в целом.

И, наконец, следует выделять бытие человека в «мире других людей», где идеи находят свое овеществление (осуществление) в политических и правовых, этических и эстетических, религиозных и философских общественных отношениях, содержание которых определяется конкретным соотношением публичной и частной жизни.

Признание факта протекания различных процессов в различных сферах жизни общества и человека в диапазоне от «бытия в мире вещей» до «бытия в мире людей», дает основание утверждать, что в современном обществе проявляет свое действие закон социальной имитации. Согласно этому закону образ жизни и стиль поведения социальных групп, реализующих инновационные устремления, адаптируется другими социальными группами, а в конечном итоге всей социальной структурой общества. На практике это выглядит довольно противоречиво. Интеллектуальное меньшинство наиболее остро реагирует на противоречие между сущим и должным, рождает проекты неопределенного будущего и готовность расстаться с прошлым. Неопределенность будущего несет на себе печать иллюзий и заблуждений, о чем свидетельствует весь исторический опыт человека. К этому следует добавить естественную тягу сохранить то, что привычно, что располагает к психологическому комфорту, даже в случае понимания того, что привычное уже устарело и требует замены. Консерватизм мышления представителей основных социальных групп является тормозом реализации инновационных проектов, но одновременно он является и тем естественным ситом, которое позволяет отсеять рациональные формы бытия от заблуждений и утопий. Так непросто складываются формы бытия человека «в мире вещей», «в мире идей» и «в мире других людей», оформляется социальная ткань бытия гражданского общества и его взаимосвязь и взаимодействие с государством.

В действии закона социальной имитации находят свои выражения объективные процессы коллективного поведения людей и межгрупповых взаимосвязей в рамках культуры труда, культуры досуга и культуры социально значимой деятельности. Если труд воспринимается как культура внешней необходимости, а досуг как культура возможностей, то культура социально значимой деятельности есть состояние жизнедеятельности человека в повседневном окружении и в пределах своей ойкумены.

Человек вынужден перемещаться из сферы труда в сферу досуга, не отрываясь от социального окружения и повседневного быта. Своей жизнедеятельностью он реализует принципы солидарности и справедливости как основные принципы гражданского общества.

Что касается правовых основ гражданского общества, то они заявляют о себе через жизнедеятельность больших и малых социальных образований, демонстрирующих уникальные формы взаимосвязи, взаимодействия и взаимообусловленности.

Несмотря на привлекательность малых социальных образований, реализующих солидарное «мы», они могут существовать только в социальном пространстве и историческом времени конкретного общества, реализуя соотношение общего и единичного, целого и части. Они нуждаются в организационном оформлении как на уровне социальной структуры общества, так и на уровне его политической организации. Вне контекста целого, как часть, они теряют свою значимость. Инструментом организационного оформления социальной системы, где каждый ее элемент занимает свое место в структуре, в условиях цивилизации является институт государства. Государство обеспечивает функционирование системы, выступает гарантом ее безопасности.

В связи с тем что основная жизнедеятельность людей протекает в малых социальных образованиях, роль государства ими не только недооценивается, но и воспринимается подчас в извращенном виде. Законы и нормы государства воспринимаются скорее как насилие, чем необходимость. В лучшем случае индивид относится к ним безразлично, но чаще всего игнорирует эти нормы, воспринимая их как внешнее насилие над его суверенитетом.

Таким образом, в условиях современного общества актуальной остается проблема совмещения личного, общественного и корпоративного интереса. Решение этой проблемы выходит за пределы возможностей как государства, так и гражданского общества. Оно под силу только «тандему», который представлен и государством, и гражданским обществом. Главное – определить полномочия одного и другого института в деле нормирования и обеспечения свободы человека (индивида). Социальные образования, обладающие возможностями воздействовать на своих членов, наделяются статусом «полуавтономных социальных сфер»²⁴. Эти «сферы» являются структурными подразделениями социального порядка. Регулируя жизнедеятельность своих членов и их взаимоотношения, они сопротивляются внешней экспансии. В пределах «сферы» ее члены решают свои проблемы. Если возникает необходимость обратиться к внешним нормативам и решить возникшую проблему, то такое обращение осуществляется под контролем конкретной «полуавтономной социальной сферы». Что касается государства, то оно берет на себя самые общие и жизненно важные обязательства и не вникает в частную жизнь своих подданных.

Так складывается принципиально новая конструкция социальной системы, в которой отношения между индивидом и государством опосредованы представительством социальных образований, которые берут на себя обязательства представлять своих членов в большом обществе и государстве. Что касается государства, то оно как главная правовая инстанция ведет переговоры этих «сфер» (сообществ), представляя им максимум полномочий по решению внутренних проблем. Примером таких «сфер» могут быть местное самоуправление и жизнедеятельность этнокультурных обществ.

Заявленная конструкция имеет перспективу, ибо позволяет снять противостояние публичной и частной жизни, общественных и индивидуальных интересов. Но в ней имеется опасность превращения отраслей права в некое подобие конвенциональных норм, что в принципе противоречит сущности права, ибо право в таких условиях деморализуется, а государство теряет свой суверенитет.²⁵

В таких опасениях есть определенное основание в случае, когда нарушается равновесие полномочий гражданского общества и государства. Тем более что объективно удель-

²⁴ См.: Гриффите Д. С. Правовой плюрализм и социальное действие права // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер. 4 // Государство и право. 1995. № 3. С. 9–14.

²⁵ См.: Мюнх Р. Социологический анализ новой диалектики и динамики развития глобального информационного общества // Социология на пороге XXI века. 3-е изд. М., 1999. С. 51–60.

ный вес гражданского общества в выработке курса развития общества на порядок выше, чем государства, на долю которого, как правило, остается лишь осуществление этого курса. Что касается права, то оно имеет свою онтологическую укорененность в миропорядке. «Kosmos» обуславливает «nomos», а посему право выполняло, выполняет и будет выполнять функцию обеспечения целостности социального пространства через нормирование поведения (жизнедеятельности) людей, способ бытия которых проявляется в пределах этого пространства. В этом качестве право опосредует взаимоотношения людей в обществе и обуславливает взаимосвязь общества и государства. Эта взаимосвязь в своем развитии может выйти на уровень взаимодействия гражданского общества и правового государства, обеспечивая и закрепляя между ними диалог и сотрудничество.

Заявленные экономические, политические, социокультурные и правовые основания свидетельствуют, что претензия идеи гражданского общества на идеологию XXI в. в условиях трансформационных процессов постсоветского пространства вполне правомерна. Что касается ее политической ангажированности, то она зависит уже не от идеи, а от тех, кто пытается ее эксплуатировать в своих целях.

Идея гражданского общества может быть базовым основанием, условием формирования гражданского согласия как предпосылки будущего созидательного процесса по формированию гражданского общества XXI в.

Принципиальное отличие идеи гражданского общества XXI в. от идеи гражданского общества века XVIII заключается в том, что она ориентирована на процесс интеграции общества в условиях глобализации мира и его проблем, а не на дифференциацию общества, его расслоение по отношению к средствам производства. Через механизм социализации: проекцию, идентификацию и символизацию люди разного пола и возраста, различной национальной и конфессиональной принадлежности обретут идеологическое единство, возвращающее их к истокам ойкумены, где человека не выбирают, а принимают. И это возвращение возможно только под знаком идеи человеческого общества и общественного человека, осуществление которой возможно только в условиях гражданского общества. Но гражданское общество – не панацея от всех социальных бед. Оно тоже имеет свои проблемы. Как и любое другое средство в отношениях «человек – мир», гражданское общество автономно и располагает своей логикой развития, демонстрируя возможность трансформации из системы обеспечения межличностных отношений в систему самообеспечения.

От реанимации идеи гражданского общества в постсоветском пространстве ждали чуда – молниеносного переустройства. Надеялись, что по полной программе заработает система координат развития общества. Вертикаль власти заявит о себе через политику как искусство управления. Реальностью станет подлинно уважительное отношение граждан к власти, которая сделает жизнь общества человеческой. Горизонталь коммуникативных отношений заявит о себе через осуществление принципов справедливости, солидарности и согласия. Индивид проявит свою подлинную общественную сущность. Но одной декларацией, как и благими пожеланиями, здесь не обойтись. Нужен диалог власти и общества, их стремление к компромиссу и сотрудничеству. И этот диалог возможен только под знаком гражданского согласия, которое предполагает гражданскую идентичность на базе гражданских ценностей: жизни, собственности, свободы, формального равенства и справедливости.

Осуществление гражданского согласия предполагает свои принципы, формы и пути их осуществления.

Среди принципов гражданского согласия следует отметить: взаимное доверие, компромисс и толерантность.

Среди форм гражданского согласия можно отметить деятельность этнокультурных обществ, функционирование местного самоуправления, деятельность массовых обществен-

ных организаций, демонстрирующих способность преодолевать «массовую патологию идентичности». Среди этих форм достижения гражданского согласия особое значение имеют органы местного самоуправления.

Как уже было отмечено, общество, как самоорганизующаяся система, структурно организовано. Оно имеет свою систему координат. Это вертикаль власти и горизонталь коммуникативных отношений. Вертикаль власти обеспечивается государством, а горизонталь коммуникативных отношений – явленным или не явленным гражданским обществом. Особое место в этой системе занимает местное самоуправление. Оно не только решает проблемы коммуникативных отношений, как это имеет место в системе деятельности этнокультурных и других социальных образований, но и берет на себя восполнение пробелов вертикали власти, что особенно важно в условиях трансформации современного общества. Но сам процесс становления местного самоуправления протекает с осложнениями.

Во-первых, не отработана правовая нормативная база явления, которого еще вчера не было, а сегодня оно заявляет о себе как юридическое лицо с претензией на регламент публичной жизни.

Во-вторых, в обществе есть люди, которые не только понимают, что власть, даже на местном уровне, означает возможность контролировать ресурсы, включая и человеческий фактор, но и хотели бы через власть на местах стать хозяевами этих ресурсов, решая свои личные интересы.

В-третьих, существует проблема передела полномочий, когда вертикаль власти должна частично поделиться властью, а самоуправление заявить о своей способности разумно осуществлять делегированную власть.

В-четвертых, существует иллюзия, что местное самоуправление есть не что иное, как вчерашняя советская власть на местах.

Становление и развитие местного самоуправления свидетельствует об эволюции общества, граждане которого заявляют о готовности включиться в систему координат общественного развития, взяв всю меру ответственности за ее достойное осуществление. Для индивида возникает возможность заявить о себе не только в качестве подданного, но и в статусе субъекта социальной активности. Формируется поле гражданского общества.

Местное самоуправление демонстрирует эффективность там, где дает сбой формализованная и консервативная власть центра. Оно культивирует уверенность, что самоуправляющаяся община является важнейшим институтом демократии, полигоном апробации гражданских ценностей²⁶.

Гражданские ценности солидарности и справедливости, а также принципы согласия и толерантности выступают ориентиром жизнедеятельности людей, их социальными регуляторами, обеспечивающими гражданские идентичности в «кругу своих»²⁷.

Местное самоуправление имеет свою историю. Его истоки коренятся в общинной форме бытия традиционного общества, сильного властью авторитета, сложившегося внутри общины, а не привнесенного извне. И в этом смысле местное самоуправление располагает определенным иммунитетом против любой эскалации, является базой формирования солидарности и осуществления справедливости. Правда, последнее составляет не только достоинство местного самоуправления, но и его недостаток, ибо формирование солидарности «своих» протекает через установление демаркационной линии с другими («чужими»).

²⁶ Гражданское общество: Теория, история, современность. М., 1999; Гражданское общество: Истоки и современность. СПб., 2002.

²⁷ Ценности гражданского общества и личность. М., 2001.

Поэтому государство должно демонстрировать способность осуществить статус третьей стороны. Присущими ему средствами государство как вертикаль власти обязано обеспечить эволюцию всей социальной системы и ее составляющих.

Основным признаком местного самоуправления являются общие интересы людей в местах их компактного проживания и общая направленность на осуществление этих интересов. Граждане данной территории оставляют за собой право входить или не входить в сложившуюся структуру. Процесс самоидентификации населения зависит не столько от его совместного проживания на определенной территории, сколько от желания граждан определенным образом влиять на порядок их совместной жизнедеятельности. Поэтому включенность людей в их совместное общежитие практически исключает различие по этнической и религиозной принадлежности, полу и возрасту. Любой гражданин, проживающий на совместной территории и достигший совершеннолетия, вправе обрести идентичность «своих» и право прямо или опосредованно влиять на организацию и порядок совместного обитания²⁸.

Осуществление местного самоуправления обеспечивает благоприятные условия диалога культур и диалога конфессий, создает базу становления и развития подлинного гражданского согласия как неотъемлемого условия формирования гражданского общества.

Как совместная общность людей местное самоуправление обладает свойством самонастройки. Реализуя свободу выбора и самоорганизации, оно берет на себя только те полномочия, с помощью которых прозрачно и справедливо может регулировать жизненно важные вопросы общественного порядка, пользование общественной собственностью. Если аппарат местного самоуправления замыкает контроль ресурсов на себя, демонстрирует закрытость и «особые» интересы, тогда население воспринимает самоуправление как формальную инстанцию власти, которая мало чем отличается от власти центра. Наступает безразличие, формируется «патология массовой идентичности». Самоуправление деградирует. Обретая свою противоположность, оно становится для людей чужим.

Что касается путей достижения гражданского согласия, то они определяются реальными объективными условиями и наличным субъективным фактором. Тем не менее из хорошо зарекомендовавших себя путей осуществления гражданского согласия можно отметить диалог этнических культур и диалог конфессий в обществе этнического плюрализма и конфессионального многообразия.

Хорошо зарекомендовала себя политика мультикультурализма, ориентированная на осуществление принципа паритета различных культур, гарантом которого выступает государство. Но гарантом политики мультикультурализма может быть не просто государство, а только правовое государство. В противном случае политика мультикультурализма будет дискредитирована.

Есть надежда на реформу местного самоуправления. Эта реформа должна поднять самоуправление на порядок выше, чем вчерашнее представительство советской власти на местах, и одновременно она должна создать барьеры проникновению в местное самоуправление тех, кто хотел бы использовать его в своих корыстных целях.

Свое слово и свой вклад в осуществление гражданского согласия должны оказать средства массовой информации (СМИ). Но это сделают только СМИ, которые сохраняют чистоту своих помыслов и действий. В условиях тотальной ангажированности сохранять «чистоту помыслов и действий» трудно, но можно и нужно. Ведь речь идет о перспективах Отечества.

²⁸ Калькой И. И. Местное самоуправление в структуре коммуникативных отношений // Прокуратура и институты гражданского общества в противодействии экстремизму и ксенофобии. СПб., 2005.

Динамика власти авторитета, ее трансформация в авторитет власти дает повод к размышлению о том, что и авторитет власти в лице государства не является чем-то неизменным и постоянным. Государство прошло свои собственные этапы становления и развития. Сегодня, в условиях третьего тысячелетия, оно демонстрирует тенденции трансформации в новое состояние власти авторитета, которая будет обеспечена единством власти права и гражданского общества, когда вертикаль и горизонталь системы координат развития общества будут находиться не в противоборстве, а во взаимосвязи, взаимодействии и взаимообусловленности.

Вывод в пользу этой тенденции основан на потере государством привычных рычагов власти, связанных с тем, что часть своих полномочий государство передает международным ассоциациям, а часть делегирует местному самоуправлению.

Исторический вызов ждет адекватного ответа, и, похоже, таковым в XXI в. может стать гражданское общество с ориентиром на осуществление согласия, солидарности и справедливости. Это не исключает проблемного характера как гражданского общества, так и переходного периода к этому обществу, о чем свидетельствуют реалии современной социальности.

Раздел 2

Гражданское общество: история идеи и ее осуществления

2.1. История возникновения гражданского общества

История возникновения гражданского общества выглядит значительно менее исследованной, чем история идеи гражданского общества²⁹. Возможно, отношение историков к самой концепции было менее сочувственным, чем у ее авторов-философов, и если считается, что философия в XIX в. «уступила» идее классовой борьбы и затем, в 80-е годы XX в., в период крушения целерациональных обществ «реального социализма», возродила идею гражданского общества, то в вышедших уже томах (2–4) «Истории Европы» (ожидаемой в 8 т.), охватывающих Средневековье и Новое время, вообще не упоминается понятие «гражданское общество». То же можно сказать и о журнале «Вопросы истории». Многочисленные издания начала 90-х годов, объявляя предметом своего интереса историю гражданского общества, в конечном итоге подменяли ее историей идеи.

К тому же, вероятно, прав В. В. Витюк, заметивший спад первоначального интереса к проблеме (и соответственно количества публикаций) и в среде философов. С одной стороны, прагматики не могут рассчитывать на близкий результат, а с другой – растут антидемократические тенденции из-за промедления с реформами и их неудачами.

Постараемся понять, откуда появились ростки самостоятельности граждан от государства, их стремления превратить государство в активного защитника интересов граждан, но для этого необходимо сразу сформулировать несколько обязательных условий. Во-первых, это соответствие состояния гражданского общества уровню развития общества, т. е., как сказали бы математики, гражданское общество есть функция уровня развития общества. Во-вторых, следует различать гражданское общество как идеал (полное воплощение представлений о нем), в-третьих, гражданское общество как реальность. И наконец, гражданское общество как его предпосылочные элементы следующей стадии исторического развития (Э. Шилз высказал слишком категоричное суждение о том, что если отношения, составляющие гражданское общество, «не дотягивают» до его образца, то вряд ли вообще возможно его существование³⁰).

Процесс движения к идеалу гражданского общества представляет собой постоянное изменение (совершенствование, но временами и отступление) состояния и взаимоотношений человека, общества и власти. Существенное значение в этом процессе имеет гражданское согласие, наблюдающееся сначала в виде сближающегося представления о суще-

²⁹ Андреев А. Л. Становление гражданского общества: российский вариант // Становление институтов гражданского общества: Россия и международный опыт. Материалы международного симпозиума. М., 1995; Витюк В. В. 1) Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. М., 1995; 2) Состав и структура гражданского общества как особой сферы социума // Гражданское общество: теория, история, современность / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М., 1999; Медушевский А. Н. Политическая философия русского конституционализма // Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. Гл. 5. М., 1997; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 1999; Повалихина Т. И. Роль гражданских инициатив в социально-экономической политике США // Гражданское общество: Сб. ст.: В 2 вып. Вып. 2. Минск, 1996; Стамм С. М. Диалектика общности и личности в Средние века // Вопросы истории. 1993. № 3; Черных А. И. Гражданское общество в России // Гражданское общество: Теория, история, современность. М., 1999.

³⁰ Shib Ed. A. The Virtue of Civility: Selected Essays on Liberalism, Tradition and Civil Society. Indianapolis, 1997. P. 70.

ствующих в обществе проблемах у гражданских ассоциаций, затем – в принципиальной возможности и пределах компромиссов в их решении (теоретически), и, наконец, в создании движений, объединенных либо толерантными допущениями (надолго), либо осуществлением цели, на время векторно совпавшей для различных составляющих этих движений (смена экономического, политического, социального строя, вплоть до цивилизационных изменений). При этом нельзя не учитывать региональные особенности Западной Европы, США и России в их историческом контексте.

Пожалуй, правомерно поставить вопрос, что появляется раньше: идея гражданского общества (кстати, возможно, и не имевшая у того или иного мыслителя прошлого соответствующего терминологического обрамления – например, у А. Смита или Ш.-Л. Монтескье), или его реальные элементы, или же эти явления сопутствовали друг другу.

Поскольку ряд ученых прошлого усматривал «золотой век» человечества в начальный период его существования в наличии особой общности, коллективного самосознания, предполагая равенство в условиях отсутствия собственности и разделения труда, видимо, правомерно определить специфику первобытного и гражданского обществ. В первобытном обществе его члены рассматривают друг друга как родственников, так как верят в общее происхождение. Эта вера усиливается долгим проживанием с предками на ограниченном пространстве. Даже современные этнические общества, проживающие на небольшой территории (часто «исторической родине»), предполагают свою общую родословную. В гражданском обществе примордиальные качества родства, соседства, землячества теряют свое первоначальное значение как критерия коллективного самосознания. На их место приходят гражданские качества участников, т. е. признание общей власти (влияния авторитета), общих законов, общей, более или менее ограниченной, территории. В гражданском коллективном самосознании каждый участник – товарищ-согражданин, а не товарищ-родственник (или сосед). Чувство долга (обязанности) перед другими участниками возникает только благодаря их качеству как членов (в основном анонимных) того же самого гражданского общества. Более того, те этнические сегменты гражданского общества, где есть общее происхождение и локальное коллективное самосознание, находятся также под контролем преобладающего гражданского самосознания. Этническая принадлежность, национальность, наконец, нация противостоят гражданскому обществу только в случаях замкнутости или декларации этнического или расового превосходства, национализма. Вообще же нация необходима гражданскому обществу. Возможно, она – его предпосылка (забота о нации лежит в основе традиций), и уж точно – его необходимый ингредиент, поддержка.³¹

Выявляется и природа законов. Закон применяется без оглядки на ценности родства, расы, землячества, а только в связи с действиями тех, к кому закон может быть применен, т. е. равно ко всем членам гражданского общества, к тем, кто признает власть правительства (находится под его юрисдикцией), тем, кто находится на территории гражданского общества. Гражданин, как лицо гражданского общества, вступающий в конфликт, задумывается не о семье, деревне, партии, этнической группе, социальном классе, месте проживания, а прежде всего о гражданском обществе как объекте своего долга.³²

Понятие «гражданское общество» появилось довольно давно, по крайней мере, раньше его идеи в современном смысле. Так, в античности оно стало понятием юриспруденции, в политической философии средневековья отражало различия с религиозными институтами, а в XVII в. – с природным, естественным состоянием. И только с XVIII в., это понятие начинает «впитывать» в себя отдельные, подчас не самые существенные черты его современного содержания. Причем иногда содержание совпадает с названием, как у А. Фергюсона в его

³¹ Ibid. P.221.

³² Ibid. P. 71–73.

«Очерках истории гражданского общества»³³, а, иногда, напротив, как у А. Смита, без упоминания термина «гражданское общество» с достаточной полнотой отражаются его существенные характеристики. У него фигурирует общество с выраженной частной активностью, отличное от семьи, отстоящее от государства.

Кажется странным, что идеи выдающегося шотландца в отличие от А. Смита не были популяризированы в период господства марксистской мысли, хотя на него ссылался К. Маркс. Его взгляд на цивилизацию как ступень исторического прогресса использовал (правда, с промежуточным соавторством Л. Г. Моргана) Ф. Энгельс. А. Фергюсон в качестве критерия «цивилизованности» гражданского общества ввел и кажущееся не столь важным такое понятие, как «общество рафинированных вежливых манер», «мягких нравов», не перечеркнув такое качество как «успех коммерческих искусств, постоянно разделяющихся на части» (имеются в виду прогрессирующее разделение труда, способствующее отчуждению и «атомизации» в обществе, а также создание коммерческих ассоциаций, обладающих опасностью – коммерциализации сознания граждан). Фергюсон заложил и основания гегелевского, а также последующего марксистского воззрения на гражданское общество – неотделимость от государства и его институтов, необходимость постоянного политического противостояния между основными группами общества для поддержания силы гражданского духа и взаимоограничения их притязаний³⁴.

В XIX в. идея гражданского общества была наиболее разработана Г. Гегелем в его «Философии права»³⁵. Великий философ выделил в качестве «гражданского» часть общества – его коммерческий сектор и институты, необходимые для функционирования и защиты этой гражданской части общества. «Bürgerliche Gessellschaft» сочетало право частной собственности и автономию от государства, но автономию особого рода в целостной системе отношений «индивид – корпорация – государство», при которой индивид-гражданин не только реализовывал свои интересы через корпорацию, но и проникался самосознанием единого большого коллектива – защитника и гаранта его свободы (в рамках собственности), наилучшим образом воплощавшегося в правовой и политической форме государства. Г. Гегель показал, что, как и в античности, в новых экономических условиях индивид в гражданской части общества неотделим от государства. Государство устанавливает законы, которые ограничивают пределы активности индивидов и корпораций, но внутри этих обычно широких пределов действия определяются в соответствии с договором участников или на основе соотношения (расчета) индивидуальных или коллективных интересов. В этом смысле гражданское общество (или гражданская часть общества) автономно от государства.

Взгляды А. Смита и особенно Г. Гегеля были восприняты К. Марксом, но они же были и существенно трансформированы абсолютизацией экономического аспекта гражданского общества, введением противостояния собственников и не собственников, распространением гегелевской «гражданской части» общества на все «буржуазное или капиталистическое общество». Отношения производства и собственности стали у Маркса определяющими для общества – все остальное стало производным. Для последователей Маркса автономия частей от целого, независимость от государства, плюрализм были неприемлемы и не обсуждаемы, кроме как в жестком критическом тоне. Тема гражданского общества была закрыта, а ее отдельные аспекты обсуждались лишь в связи с буржуазным обществом вообще.

³³ *Ferguson A. An Essay on the History of the Civil Society. Ed., 1767.*

³⁴ Подробнее о взглядах А. Фергюсона см.: *Аникин А. В.* Адам Смит и Адам Фергюсон // Вопросы истории. 1965. № 5; *Лучицкий И. В.* Адам Фергюсон и его историческая теория // Университетские известия. Киев, 1868. № 9, 11, 12; 1869. № 1; *Ренев Е.* Историческая и социально-политическая мысль Адама Фергюсона. Шотландское Просвещение (40–60-е гг. XVIII в.): Дис.... канд. ист. наук. М., 1990.

³⁵ *coll_0* Философия права. М., 1990.

Итак, при всех различиях в его понимании, в XIX в. термин «гражданское общество» приобрел свои главные и окончательные черты: во-первых, это часть общества, независимая от государства (там, где это еще не было достигнуто, предполагалось движение к подобной автономии); во-вторых, гражданское общество обеспечивает права индивидов и в частности право собственности; в-третьих, в гражданском обществе независимо от государства действует множество автономных экономических ассоциаций и деловых фирм, конкурирующих между собой. В подтексте оставалась связанная с качествами гражданственности идея политической общности, муниципальности в рамках гражданского общества. Право граждан на общественную деятельность, участие в дискуссиях и решениях по общезначимым вопросам, унаследованное от правовой и политической философии от классической античности до раннего модерна, отличало «гражданские права» от «естественных». Это было условие жизни людей в правовом обществе, жизни в соответствии с законами. Но условия, реализованные сначала в Новом Свете и распространившиеся уже в XX в. на родине идеи гражданского общества, в Европе, имели место далеко не везде и не в полной мере.

А. Фергюсон оставил завет (вызывающий бурное одобрение уж если не марксистов, то более широкой и представительной плеяды материалистов) связывать понятие «гражданское общество» не с планами «какого-либо теоретика», а с процессами естественно-исторического развития, в которых люди «направляются в своих установлениях и мерах обстоятельствами, в которых они находятся».³⁶ Попробуем определить эти «обстоятельства», различающиеся для Европы – как места зарождения понятия, идеи и первых ростков гражданского общества, для США – как места первичного более или менее масштабного практического воплощения такого общества, и для России, которой ученые и политики разных направлений «отказывают» не только в исторических предпосылках гражданского общества, но и в возможностях его формирования сегодня.

³⁶ Цит. по: Ренев Е. Г. Историческая и социально-политическая мысль Адама Фергюсона. Шотландское Просвещение (40–60-е гг. XVIII в.): Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1990. С. 16.

2.2. Осуществление идеи гражданского общества

Поскольку гражданское общество – это целый комплекс отношений внутри общества и по отношению к государству, к нему нельзя применить какую-либо одну характеристику, хотя невмешательство власти в частную жизнь и одновременно ее защита властью выглядят неперменным показателем существования гражданского общества. Искать предпосылки, зародыш гражданского общества имеет смысл лишь на рубеже феодализма, перехода от аграрного к индустриальному обществу. Именно в этот период, переживаемый в разных обществах не одновременно и со своей спецификой, индивид обретает возможности горизонтальной и вертикальной мобильности. Этому способствует крушение скреп сословного покровительства, кризис феодальных экономических отношений, развитие торговли, предпринимательства, производства.

От политического и экономического единства часть общества стремилась к их размежеванию. Потребность в свободе собственности и независимости хозяйственной деятельности сопровождалась желанием оградить себя от произвола власти, центральной и отдельных сеньоров. Такая гарантия виделась в законах и политическом устройстве, охраняющих собственников, в договоре между обществом и властью. В теории это отразила школа естественного права, на практике же это выразилось в многочисленных социальных выступлениях (прежде всего горожан) в монархических государствах. В большинстве случаев авторитарный правитель, сам заинтересованный в ликвидации феодальной раздробленности и централизации своей власти, и третье сословие, ограничивавшее свои требования экономикой, добивались компромисса. В обмен на гарантии частному предпринимательству король получал военно-политическую поддержку горожан (например, во Франции).

Элементы гражданского общества проявлялись в первую очередь в экономике. Это были как независимые рыночные образования нового типа, так и выросшие из прежних семейных, общинных и корпоративных ассоциаций. Так, немецкая модель гражданского общества того времени выразилась в гильдии, ставшей одной из первых форм объединения ремесленников и торговцев и первой формой их самозащиты и влияния на управление городами. О трех видах гильдий – купеческих, ремесленных и «компаньонажах» (объединениях-братствах мелких ремесленников Франции с начала XV в.) пишет английский ученый Э. Блэк³⁷. От прежних средневековых феодальных властных структур оставались, но в новом качестве элементы гражданского общества – институты сословий и рыцарства, университеты. Права на ассоциацию иногда добивались научные общества, масонские ложи, клубы, газеты и т. п.

Значительно более активно этот процесс шел там, где авторитарное давление власти сказывалось в меньшей мере – в городах-республиках Северной Италии. Здесь власть вынуждена была уступать не только в экономике, но и в политике. Как отмечал Н. Макиавелли, мир и безопасность граждан, наслаждение своим имуществом и богатством, право каждого иметь и отстаивать свои убеждения рассматривались в качестве общественных ценностей³⁸. Городское самоуправление, хотя и носило цензовый характер, значительно расширило возможности граждан, подтолкнув их потребность в более высоком уровне образования и политической культуры. Город, к тому же, включил в зарождающееся гражданское общество значительно большую долю своего населения в сравнении со становлением «эко-

³⁷ Black F. *Guilds and Civil Society in European Political Thought from the Twelfth Century to the Present*. London, 1991. Его подход в своем анализе истоков корпоратизма использовала И. Стрелец в статье «Гильдии и гражданское общество в истории Европы (с 1250 г. до периода реформации)» (см.: Бизнес и политика. 1995. № 1. С. 43–46).

³⁸ Макиавелли Н. Сочинения. СПб., 1998. С. 72–74, 87–95, 107–110.

номического человека» в монархиях того времени. Но перемены в подавляющей массе их населения еще не наступили.

В своем сравнительном анализе античного и средневекового города М. Вебер³⁹ показал особенности становления общественных ассоциаций европейского города в сравнении с Востоком (в том числе Китаем и даже Японией), заключающиеся в большей самостоятельности и сближении с властными структурами. Компактное воспроизведение этой работы Вебера затруднительно из-за множества значимых деталей и отступлений, сравнений с другими условиями, поэтому можно воспользоваться комментариями к Веберу и этому периоду средневековой истории блестящего российского историка А. И. Неусыхина⁴⁰, показавшего на примере городов-республик Северной Италии (в отличие от Германии и Англии) процессы борьбы сеньориальной элиты и демократических слоев-«*ророло*» (цехи и гильдии ремесленников и купцов), постепенно приводившие к столь серьезному перевесу «*ророло*» в борьбе за реальное самоуправление горожан, не допускавшее верховенства подеста сеньориальной элиты над капитаном «*ророло*», что и приводило к присоединению той же элиты к гильдиям и цехам.

В XV–XVI вв. ситуация в монархических государствах начинала меняться. Добившись некоторых экономических свобод, горожане стремились к участию во власти. Первоначально этот порыв был замечен в пересмотре религиозной идеологии. Католическая церковь, один из главных институтов феодализма, подверглась длительному давлению извне и изнутри и, в конце концов, распалась. Протестантизм, родившийся в эпоху Реформации, не был первым продуктом распада христианства. В 1054 г. отделилась соперничавшая с папством греко-католическая церковь (известная у нас как православная). Перемены в церкви ожидалось не только прогрессивно настроенным клиром, но и массой горожан (бюргеров-буржуа). Для одних это означало возвращение верующих к Священному Писанию (без посредничества монахов и священников); для других – отказ церкви от своих богатств, прежде всего монастырских угодий; для третьих – «удешевление» содержания этого института и т. д., но для всех протестантов это был процесс обмирщения, возвышения человеческого разума, частичного отступления веры перед знанием, а, следовательно, и новых возможностей проявления личности, светских ассоциаций, частной жизни.

Религиозное раскрепощение сопровождалось новыми требованиями к государству, точнее к монарху: ограничить произвол власти, предоставить всю полноту прав и свобод третьему сословию, в том числе ассоциациям общественной самодеятельности. Параллельное сосуществование общества и государства в развитых европейских странах прервалось чередой революций в Англии, Франции, Нидерландах, завоеванием независимости британскими колониями в Америке. Произнесено и обосновано само понятие гражданского общества, высказано предположение о всегдашнем противостоянии гражданского общества и государства в Европе.

Поворотным моментом в формировании современной цивилизации стала промышленная революция конца XVII–XVIII вв. С историко-социологических позиций станок дал процессу становления гражданского общества больше, чем любая теория. Он нивелировал мастерство рабочих (различия мастера – подмастерья – ученика в цеховой структуре были подстать сословным), приведя к значительно менее заметной разнице в квалификации и соответственно меньшему разрыву в оплате труда и имущественном положении. Введение станка потребовало не только навыков, но и технических и технологических знаний на уровне начального образования. В свою очередь, дальнейшее повышение уровня образования создавало новые статусные возможности, вело к осознанию социальных инте-

³⁹ Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 309–440.

⁴⁰ Там же. С. 658–690.

ресов и впоследствии к экономическим и политическим ассоциациям на базе единства целей. По сравнению с мануфактурой машинное производство увеличило количество продукции и соответственно снизило ее стоимость, позволило поднять планку уровня массового потребления. Внедрение станочных технологий в различных отраслях ускорило процесс разделения труда и появления новых отраслей, потребовавший усиления миграции рабочей силы из аграрного сектора экономики и способствовавший дальнейшей урбанизации, распространению городского уровня комфортности и нового образа жизни на все большее количество населения.

Дальнейшее разделение труда имело и другие последствия, проявлявшиеся одновременно в усилении функциональной интеграции и конкуренции из-за колебаний в количестве рабочих мест. Для недавних сельских жителей переход от «соседских» отношений к договорным в сочетании с борьбой за рабочие места, нуклеарной семьей, ограниченной жилой площадью города означал и новые ценности индивидуальной личности и гражданина.

Начиная с века Просвещения, затем Французской революции и вплоть до становления постиндустриального общества конца XX в. реальный процесс развития гражданского общества шел по восходящей. Причем, на наш взгляд, идеологические бои вокруг самой проблемы гражданского общества, «забвение» идеи к концу XIX в. в Европе и США не могли повлиять на появление и проявление «живых» элементов гражданственности и общественности. Мало того, процесс не мог идти равномерно. Так, в США он опережал европейский уровень, после реформ 60–70-х годов ХГХ в. активизировался в России, в ряде стран Востока, переживавших модернизацию еще в колониальных условиях. В передовых странах, где все шире распространялись отношения «классического» капитализма, тенденции общественной самостоятельности в политической жизни наталкивались на преграду монархических режимов. Нейтральное сосуществование общества и государства в Европе XIX в. и с начала XX в. повсеместно сменилось острой борьбой «экономического» человека с властными структурами, а эгалитаристский пафос, порожденный уже отмеченными изменениями в положении производителя, в свою очередь влиял на восприятие марксистской концепции классовой борьбы, причем настолько, что совпадающие в XIX в. процессы формирования гражданского общества и политической базы рассматривались большинством ученых (и практически всем советским обществоведением) с приоритетом классового противостояния, а не более широких отношений гражданское общество – государство.

Все ссылались на Маркса, полагавшего, что гражданское общество разделилось по классовым признакам. Признание же марксистами классовой природы самого государства привело к совмещению в этой теории социально-экономической и политической структур общества. Идея гражданского общества, считалось, ушла в прошлое. Возможности общественного договора, консенсуса отбрасывались в силу логики классовой борьбы. Однако уже к концу XIX в. часть марксистов отошла от революционных прогнозов в расчете на легальные методы политических и социальных перемен (первым был Э. Бернштейн, за ним последовали другие, составившие основу социал-демократии, но уже без коммунистов). Косвенно это отражало признание значения общественности в реализации интересов различных социальных групп договорным путем.

В этот период в структуре гражданского общества происходило активное формирование новых экономических (производственных, торговых, финансовых) ассоциаций предпринимателей; добровольных объединений трудящихся (общества взаимопомощи, кооперативы, профсоюзы и т. п.); оппозиционных государству политических группировок разных социальных групп, с течением времени оформлявшихся в партии. Шло становление независимой от государства прессы. Разъединение «снизу» с государством (и это специфика Запада, по сравнению, например, с Россией) привело к тому, что политическая жизнь общества разделилась на государственную и негосударственную, влияющую на формирование

и принятие политических, административных решений и вырабатывающую общественное мнение.

XX век стал временем проявления двух основных тенденций: развития гражданского общества через демократизацию, гарантии прав личности, альтернативную политику и противодействие этому развитию с использованием репрессий и плутодемократии. Тоталитарные режимы фашизма и коммунизма, манипулируя политическими и социальными интересами масс, вытеснили из политической жизни основные гражданские институты или подавили их. В 20–40-е годы в мировой политической практике кроме тоталитарных стран с разрушенными структурами гражданского общества функционировали страны с развитой демократической системой власти, где гражданское общество не прекращало расширения и обновления, а также страны с еще недостаточно развитым гражданским обществом.

Вторая мировая война, столкнувшая страны из всех названных групп, как через увеличительное стекло, показала некоторые противоречивые и отчасти негативные тенденции, которые следует преодолеть, если полагать, что ценности гражданского общества носят общечеловеческий характер. Пока же можно было увидеть и блокирование стран-союзниц из разных политических лагерей (СССР, Англия, США), и их далекие от демократии способы «дележа» мира в Тегеране, Ялте, Потсдаме, Вашингтоне. Становление гражданского общества в той или другой стране вовсе не означало, что эта страна, несмотря на громкие декларации, готова способствовать его распространению (США, где гражданское общество ушло вперед даже в сравнении с демократической частью Европы, являлись и являются самым ожесточенным конкурентом в борьбе за сферы влияния и гегемонию в мире. Значительная часть американского общества вплоть до Перл-Харбора отстаивала изоляционистские позиции в борьбе с фашизмом, а после войны США демонстрируют готовность «наказывать» Корею, Вьетнам, Ливию, Ирак и др.).

Послевоенное развитие Запада дает основание говорить, что реальным элементам гражданского общества придан новый импульс технологическими, структурными и культурными переменами, соответствующими развитию постиндустриального общества. На рубеже 80–90-х годов «востребована» из запасников социально-философской, политической и исторической памяти сама идея гражданского общества (хотя, на наш взгляд, «анонимное» воплощение в реальной жизни ее элементов никогда не прекращалось, разве что в некоторых странах прерывалось). Причиной тому стали события в коммунистическом мире, где кризис политических, социальных, экономических структур «реального социализма» потребовал замены системы «целерациональной легитимации» (выражение Т. Х. Ригби) на систему легитимации, в основе которой должны быть права человека и нормы закона, под лозунгом гражданского общества, выдвинутым оппозицией⁴¹.

Однако видеть за этим, как предлагают многие наши современники, ликвидацию диктатур и необратимость победы демократии, пока рано, ибо в посткоммунистическом пространстве общественно-политические перемены в духе оттеснения государства ассоциациями демократического самоуправления недостаточны и иллюзорны. Здесь необходимо параллельно создавать «гегелевское гражданское общество» в экономике путем рыночных преобразований, а это, в свою очередь, означает угрозу возникновения новой олигархии.

Так что кризис коммунизма пока создал лишь предпосылки гражданского общества на Востоке и более благоприятные условия гражданской самоорганизации при перераспределении политических ресурсов на Западе. В число особенностей этого процесса можно включить: а) развивающийся массовый (не элитарный) индивидуализм, б) появление и развитие ассоциаций планетарного масштаба, в) расширение возможностей гражданских поли-

⁴¹ Таа В. Концепция "civil society" в преобразовании коммунистических режимов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 5.

тических организаций на местном, региональном и национальном уровнях, г) дальнейший рост влияния средств массовой информации, их глобализацию через Интернет (в связи с чем возникает вопрос об общественной цензуре), д) развитие сети социальных и социокультурных ассоциаций.

Как уже отмечалось, процесс формирования гражданского общества в США имел свои особенности. После достижения независимости от британской короны создавалась уникальная возможность строить новые политические отношения в условиях ослабления центральной власти и уже существовавших гражданских институтов, зарождавшихся еще в колониальном прошлом. Сословная система не играла в Новом Свете такой роли, как в метрополии, а первые же документы американской революции провозглашали равенство людей (тогда еще ограниченное расой и полом) и экономическую свободу. Множественность интересов различных социальных групп создавала основу для многочисленных гражданских организаций.

Здесь была применена критически переосмысленная европейская идея гражданского общества. Американский опыт формирования гражданского общества, в основании которого лежала либеральная традиция (взгляды Дж. Локка на право частной собственности на основе естественного права, А. Смита на модернизацию и саморегуляцию как необходимые компоненты гражданского общества, концепция «минимального государства» Т. Пейна и независимости государства и гражданского общества Д. С. Милля), получил своевременную и высокую оценку А. де Токвиля. Однако в других странах, в частности в Европе, этот опыт мог и может быть использован лишь в частностях. Если в Европе становление гражданского общества происходило одновременно с демократизацией политической системы, уже включавшей бюрократический управленческий аппарат, то в США еще до войны за независимость государственным идеалом стало самоуправление свободных людей на свободной земле, и этот идеал подразумевал недоверие к исполнительной власти, тогда по сути совпадавшей с колониальной администрацией. Бюрократия здесь появилась позднее демократии, выростала на ее базе.

Правда, и на заре американской демократии и сейчас существуют различия во мнениях, что важнее: участие граждан или компетентность представительных органов. (Столкновение взглядов, и что еще важнее – факты гражданского участия, гражданственности отразил в своей книге «Заметки о штате Виргиния» авторитетный свидетель того времени, один из «отцов-основателей» США Т. Джефферсон⁴². И удивительно, что американский опыт формирования гражданского общества и именно этого его аспекта не отразил авторитетный современный исследователь Э. Шилз, ограничившийся европоцентристским освещением идеи и практики гражданского общества – хотя он не обошел вниманием СССР и Восточную Европу социалистического периода.) В ряде штатов граждане были обязаны принимать участие в работе городских собраний, на которых обсуждались важные вопросы жизнедеятельности общин. Полноправные члены общин привлекались на непостоянной основе в различные органы публичной власти.⁴³ В других штатах предпочтение отдавалось представительным органам власти, где избранные должностные лица-специалисты, а не граждане принимали решения. Гражданские инициативы здесь сводились до минимума. И та и другая традиции имели и имеют свою аргументацию, своих сторонников и противников.

Система участия граждан базируется на представлении, выработанном еще Н. Макиавелли, что рядовые граждане лучше знают достоинства и недостатки чиновников, особенно сти региона и нужды отдельных граждан и их ассоциаций. Участвуя в выработке и принятии политических решений, граждане разделяют ответственность элиты и бюрократии, стано-

⁴² Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. Л., 1990.

⁴³ Повалихина Т. И. Роль гражданских инициатив в социально-экономической политике США. С. 68–94.

вятся заинтересованными в их выполнении. Гарантированные законом возможности получения гражданами минимально необходимой информации облегчают общественный контроль должностных лиц с точки зрения их квалификации, эффективности действий, этики поведения.

Аргументы противной стороны состоят в недоверии массе граждан, объясняя это недоверие некомпетентностью, корпоративным мышлением и личными интересами граждан, их местничеством. Участие граждан в процедуре формирования и принятия решений приводит к дополнительным затратам на их информирование или подготовку референдума, к затягиванию процедуры (и возможному изменению конъюнктуры), к конфликту, в случае недостаточного, по мнению граждан, внимания должностных лиц к запросам избирателей.

Политическое участие граждан может быть пассивным, что проявляется через голодание, информирование граждан чиновниками об общественных проблемах, контакты с бюрократами, или активным – участие в городских собраниях, референдумах, в выдвижении законодательных предложений, отзыв недостойных должностных лиц, самоуправление общин.

Община занимала центральное место среди других ассоциаций граждан, здесь закладывались представления о правах личности и поведении свободного человека наряду с чувством личной ответственности за происходящее. Можно сказать, что с общины начиналось гражданское общество в британских колониях Америки.

Старейшей прямой формой инициатив граждан, созданной в начале XVII в., стало городское собрание. Все граждане-избиратели знакомились здесь с проектами разнообразных решений, готовившимися профессионалами из административных структур. Проекты нередко адаптировались для лучшего понимания граждан или проходили через предварительное собрание, сочетавшее черты городского (решающего) собрания и представительного органа граждан.

Возможности городского собрания ограничены масштабами поселения и сложностью решаемых проблем, поэтому, когда необходимо собрать мнение граждан всего штата или всей страны, практика собрания переносится на все гражданское общество: проводится референдум. Первый референдум был проведен в 1640 г. в Массачусетсе. Референдум может носить совещательный характер, когда мнение граждан может учитываться или не учитываться законодательным органом (следовательно, его инициатором этот орган не является), или обязательный характер – инициатором является законодательный орган, заинтересованный в принятии конституционных изменений или тех решений, которые по закону штата (или страны) не могут разрешаться им самим (например, новые налоги, территориальные изменения, крупномасштабные финансовые проблемы и т. п.). Итоги обязательных референдумов носят силу закона.

Нередки гражданские инициативы в форме референдума-протеста по поводу принимаемого (или не принятого) законопроекта, на которые по закону отводится 80 дней. Референдум возможен в виде сбора подписей и даже по почте (в 1981 г. в Сан-Диего).

Плебисцитарная форма инициатив в рамках гражданского общества имеет также свои плюсы и минусы. Положительные стороны этой процедуры в концепции «народного суверенитета» обрисовал еще Ж.-Ж. Руссо. Референдум не позволяет народу – носителю суверенитета передавать или делить высшую власть с кем-либо, в том числе с представительными органами, способными исказить волю граждан; референдум повышает ответственность представительного органа, готовящего проекты законов, перед гражданами.

Регулярное проведение референдумов (в условиях современных средств коммуникации и применения ЭВМ при подсчетах, в принципе, возможно принятие решений избирателями по любым мало-мальски значимым вопросам – задача состоит только в защите системы от фальсификаций решений, а главное, в заинтересованности самих властных структур)

ведет к снижению уровня отчуждения граждан от политики, повышению уровня их политической культуры.

Но американский опыт показывает, что референдумы не могут подменить сложную, требующую высокой квалификации и готовности к компромиссам деятельность профессионалов-политиков и законодателей, ибо это может привести партии от электорального процесса к соблазну митингов, забастовок, прямых форм давления, проявлению эмоций, а не разума. К тому же, плебисцит может привести к жесткому разделению общества на сторонников и противников какого-либо решения и невозможности для побежденного меньшинства в дальнейшем отстаивать свою позицию.

Поэтому область плебисцитарной демократии ограничена. Референдум нужен для законодательного закрепления решения, ясного для значительного большинства граждан, либо в случаях торможения принятия важных для общества решений при расхождении в законопроектах (но вероятно, с возможным подтверждением этого решения через некоторое время).

Уже в Конституции штата Джорджия в 1777 г. (т. е. до принятия Конституции США) гражданам предоставлялось право, получив большинство подписей, собрать конституционный конвент штата для пересмотра законодательства. Впоследствии этот механизм волеизъявления граждан совершенствовался, обретая, правда, специфические черты в разных штатах. Как показала практика применения этих инициатив, предпочтение отдается штатным или локальным косвенным предложениям по изменению законодательств в противовес возможным прямым инициативам, в том числе по изменению конституции. Прямые инициативы, не прошедшие экспертизы – обсуждения в законодательном органе, обычно хуже сформулированы или вообще противоречат конституции.

Наконец, одной из форм гражданских инициатив, известных в США почти с периода возникновения государства, является возможность отзыва чиновников и депутатов представительного органа. Хотя механизм отзыва и не прост, но он дешевле, чем новые выборы, и эффективнее, поскольку сразу указывает на «обидчика» общества, и даже если отзыв не осуществится по каким-либо причинам, вряд ли все сохранится в прежнем виде.

В XVIII–XIX вв. в Европе не было ничего похожего на гражданское общество США, обладавшее широкими возможностями, несколько сниженными к концу XIX в. и в первой половине XX в. классовым противостоянием. Если в европейской модернизации XIX в. мы можем видеть экономические и социальные гражданские ассоциации, то в условиях монархии не допускалось создание негосударственных политических организаций, а одно порождало другое – замедлялся рост неполитических объединений граждан. Только с развитием электорального процесса, исследованного еще в конце XIX в. М. Острогорским⁴⁴, правителям пришлось смириться с «вторжением» граждан в политику, последнюю «запретную зону» для гражданского общества. В Америке раньше, чем в Европе, осознали значение независимой прессы как составляющей гражданского общества и свободы. А. де Токвиль указывал на то, что эта пресса, будучи созданной независимыми гражданскими объединениями, подталкивала к созданию новых ассоциаций, являлась средством повышения политической культуры, плюралистического гражданского самосознания.⁴⁵

К концу XX в. развитие гражданского общества в Европе приблизилось к американскому уровню, но заимствовались только внешние признаки, а они известны из философско-правового идеала гражданского общества. Условия и пути осуществления идеи были различны. Формирование гражданского общества в европейских демократических странах не прекращалось, но в ряде стран (Германия, Италия, Испания, Португалия и др.) преры-

⁴⁴ Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М., 1997.

⁴⁵ Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992.

валось диктатурами разного рода и требовало новых усилий по «лечению» гражданского сознания наряду с созданием объективных условий его становления.

Еще в большей степени задержалось развитие гражданского общества (идея и практика) в Восточной Европе, России, странах СНГ. Для нас, естественно, наибольший интерес представляет отечественная история гражданского общества. На этот счет существуют различные точки зрения. Одни видят основания российского гражданского общества в крестьянской общине, православной идеологии и, соответственно, требуют восстановления соборности, общинности дооктябрьского прошлого. Другие считают, что гражданского общества в пространствах Российской империи и СССР не существовало и его нужно (или не нужно, если стоять на классовых позициях) создавать впервые. Правда, здесь нет единства. То ли нужно опираться на опыт Запада, воспринимая «готовые» идеи и институты, или отказаться от этого, демонстрируя самобытность и опираясь на традиции с учетом российских условий. Возвращаясь к высказанному предположению, что идеал гражданского общества в различных пластах истории имел свои особенности, рассмотрим эти особенности применительно к России.

Так, к 70-м годам XIX в., когда в пореформенной России стали складываться условия для зарождения гражданского общества, на Западе (Северная и Западная Европа, США) уже имелись определенные представления о гражданском обществе (вовсе не присущие всему обществу, например, идеал гражданского общества не соответствовал целям последователей К. Маркса). Эти представления базировались на условиях и тенденциях эволюции западного общества и включали развитие различных форм частной собственности, договорные отношения, влиятельное общественное мнение, дальнейшее развитие автономий и свободы личности, возможность свободных ассоциаций людей.

Даже если представить, что либеральные взгляды в будущее векторно совпадали в России и Европе (хотя это далеко не так – в российской общественной мысли либералы-«почвенники» дистанцировались от либералов-западников), то условия зарождения гражданского общества были явно различными. Во-первых, протяженность территории России. Особенностью США также была огромная территория, но ее завоевание проводилось свободными людьми, еще более укреплявшими менталитет свободы, индивидуализма, культа оружия. На ее территории устанавливалось федеративное штатное устройство с развитыми элементами самостоятельности. Во-вторых, в России существовало государственное централизованное начало, усиливавшееся от центра к периферии, где губернатор «больше, чем государь». Так, петровская модернизация России, как и любая «догоняющая» модернизация, отличалась усилением государственного начала, и не только в политической (централизация власти, усиление унитарности государства, губернское деление, замена патриаршества Синодом, «закрепощение» привилегированных сословий обязательной службой), но и в экономической жизни – государственные мануфактуры и казенные добывающие и обрабатывающие предприятия, сохранение крепостной зависимости крестьян. В-третьих, неразвитость рынка в условиях господства крестьянской общины и подавляющей доли крестьян в составе населения и, соответственно, недостаточное развитие частной собственности, стимулов сельскохозяйственного труда, предпринимательства. Даже с отменой крепостного права при несомненном оживлении хозяйственной жизни община продолжала сковывать инициативу подавляющего большинства населения. В-четвертых, общинность и реформы, задумывавшиеся сверху, укрепляли многовековую традицию россиян (вероятно, идущую от татаро-монгольского периода) склоняться перед властью, с большей готовностью исполнять приказы, чем проявлять инициативу. Бунты, как справедливо отмечает Б. Н. Миронов, были не против верховной власти, а против ее агентов⁴⁶.

⁴⁶ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократи-

Эти российские особенности следует, видимо, сопоставлять с цивилизованными и упущенными альтернативами, в том числе с возможностями формирования гражданского общества. На наш взгляд, эти возможности относились в большей степени к XX в., чем веку XIX, в котором был проделан путь, вполне адекватный ситуации пореформенной России – об этом чуть ниже. А уже с 17 октября 1905 г. появилась принципиальная возможность для России стать конституционной монархией – в ряду десятка европейских монархий, но эта альтернатива не реализовалась. Реформы П. А. Столыпина заложили возможность «размывания» общины, препятствовавшей становлению гражданского общества, но и им не суждено было быть доведенными до конца, несмотря на всплеск общественной активности и плюрализм политики. Уже с января – марта 1918 г. одним из результатов Октябрьского переворота стала фактическая монополия большевистской партии в политической жизни, а затем и советского государства во всех сферах общественного бытия. Этатизм и идея классового противоборства полностью вытеснили идею гражданского общества, а формализация общественной жизни (ассоциаций граждан) и отсутствие гарантий личных прав и свобод привели к уничтожению не только элементов гражданского общества, но и почвы их возможного зарождения. Только церковь, и то с многочисленными оговорками, могла считаться реальным осколком гражданского общества.

В XVIII–XIX вв. в России сложились две альтернативы: предсказанная Ж.-Ж. Руссо этатизация общества, господство общей воли над частным интересом⁴⁷ и развитие гражданского общества через экономические формы, которому противостояли крепостное право и разложение дворянства. Дворянство в условиях огосударствления общественной жизни николаевской России, по мнению Б. Н. Чичерина, могло занять пустующее место организованной буржуазии, ставшей на Западе основой гражданского общества. В противном случае ее место заняла бы бюрократия, усиливавшая давление правительства на общество.⁴⁸ Прогноз выдающегося русского юриста в значительной мере оправдался – дворянство оказалось не способным исполнить нетрадиционную для себя роль.

Роль катализатора экономической активности в форме относительно свободного предпринимательства в этих условиях должен был сыграть крестьянин, но это становилось возможным только после его освобождения от крепостной и корпоративной зависимости (соответственно с 1861 г. и со столыпинских реформ начала XX в.). Времени, отведенного историей на этот процесс, явно не хватило – его прервал Октябрьский переворот 1917 г. Однако если на Западе процесс становления гражданского общества шел от экономики, частной собственности, то в России, при отмеченных трудностях развития предпринимательства, он шел через ассоциации индивидов в институте земства, к которым затем привлекался капитал. Сами же предприниматели до открытия Государственной Думы первого созыва не имели возможности создавать новые правовые рамки, решали свои проблемы с властью в частном порядке и не конституировали структур гражданского общества. К тому же, как считает А. Л. Андреев⁴⁹, влияла русская православная традиция рассматривать богатство как средство достижения возвышенных целей (например, благотворительность, вложение средств в церковь и т. п.), в отличие от протестантизма, рассматривавшего хозяйственный успех мирян угодным Богу⁵⁰.

Итак, можно сделать вывод, что этатистские тенденции возобладали в общественной жизни России XIX в., в особенности в его первой половине. Но победа не была полной –

ческой семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. Т. 2. С. 287.

⁴⁷ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 307.

⁴⁸ Чичерин Б. Н. Русское дворянство // Несколько современных вопросов. М., 1862.

⁴⁹ Андреев А. Л. Становление гражданского общества: российский вариант. С. 22.

⁵⁰ Вебер М. Протестантский дух и этика капитализма // Избранные произведения. М., 1990.

капитализм медленно входил в экономическую жизнь империи, к тому же она была пирровой, поскольку в условиях отставания экономических процессов от Запада неизбежно ослаблялась в сопоставлении с внешнеполитическими соперниками техническая база военной мощи России. Парусный флот, устаревшие артиллерия и стрелковое оружие, нехватка грамотных солдат привели к полномасштабному краху в Крымской войне. Перемены, во избежание худшего, стали необходимыми. Государству в его самодержавной форме пришлось идти на уступки общественности, предоставляя ей право участия в управлении.

Одной из важнейших национальных форм децентрализации власти стало земство. Издревле земство, земские соборы служили по мнению многих учреждениями самоуправления, однако это далеко не так. Действительно, земская реформа XVI в., проводившаяся при Иване IV, должна была отменить систему кормлений, заменив ее выборными общественными властями. Причина реформы была очевидна: наместники и волостели из слоя военно-служилых людей в этом столетии довольно часто привлекались к своему прямому делу – внешние угрозы окраинам государства требовали новых военных походов. По мнению В. О. Ключевского, военные люди становились неисправными управителями, а, становясь управителями, переставали быть исправными военными людьми⁵¹. Усложнение управления к тому же приводило к многочисленным злоупотреблениям кормленщиков и социальному напряжению.

Царь, дав на Земском соборе 1550 г. указание кормленщикам прекратить многочисленные административные тяжбы мировым порядком, по сути, подготовил отмену кормлений. Уже в 1552 г., как отмечалось в летописях, «кормлениями государь пожаловал всю землю»⁵², т. е. земское самоуправление становилось повсеместным учреждением, сначала в виде опыта, а затем в виде закона 1555 г., не дошедшего до нас в подлинном виде. Существовало, что земский мир не обязывался, а получал право выкупить кормление служилых управителей и заменить своими выборными людьми. Такой откуп платился в казну, что означало для государства двойную выгоду: материальную – получение откупа и состоявшую в улучшении управления. Кормленщики же взамен получали поместья, становившиеся основным средством содержания служилых людей. Итак, сущность земского самоуправления XVI в. заключалась не столько в самоуправлении, а в выполнении государственных приказных поручений, перелавливаемых с военно-служилых людей на местных выборных⁵³. Можно сделать вывод, что в таком виде земское самоуправление не служило и не могло служить исходной позицией в качестве зародыша гражданского общества в России. Однако, на наш взгляд, уже в этих условиях, немыслимых для гражданского общества с точки зрения новой европейской философии, возникали черты общей ответственности, круговой поруки «мира», ставшей впоследствии особенностью российской внегородской жизни, ощущавшейся при любых политических условиях.

Земские соборы в XVI в. созывались в 1550, 1566, 1584 и 1598 гг. Эти «советы всея земли» (как их называли в памятниках XVII в.) были светским подобием «Освященных» соборов церкви, у которых они заимствовали само название «собора» и иерархический состав. Земские соборы собирались Иваном IV дважды «для выработки общего постановления по особо важным вопросам государственной жизни и для принятия членами собора ответственного кругового ручательства в исполнение соборного приговора»⁵⁴, и эти соборы по своему составу, по регулярности, по исходившей «сверху» инициативе собрания никак не подходят под пример «всеземского» самоуправления. Однако замысел был, и движение

⁵¹ Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. Т. II. С. 339.

⁵² Там же. С. 341.

⁵³ Там же. С. 345.

⁵⁴ Там же. С. 366.

шло по пути расширения представительства, а затем – в 1584 г. (подтверждение прав на державу Федора Иоанновича) и в 1598 г. (избрание на царство Бориса Годунова) заключалось еще и в самостоятельном (без царской воли, по крайней мере) созыве, формулировании и принятии решений. Особенности этих двух соборов становилась роль царя, зависимость от их решений и от власти-собственности переходившего к власти-должности, и роль народа, выраставшего из «паствы» в носителя государственной воли, передаваемой царю-избраннику. Роли настолько новые и необычные для русского общества, что они могли стать фактором зарождения «смуты».

В XVII в. земские соборы созывались чаще, но только пока нужны были новой династии Романовых в качестве опоры на общество, а общество, напротив, не смогло превратить соборы в постоянный представительный институт в силу собственной классовой разединенности, закрепленной крестьянской крепостью и дворянским господством. В соборах, но значимых в глазах власти, нуждалось только купечество. Земское представительство пало вследствие усиления централизации в управлении и государственного закрепощения сословий⁵⁵.

Следующие страницы в историю земских учреждений вписаны в 60-х годах XIX в., когда подъем демократического движения в России потребовал от Александра II смягчить политический кризис привлечением общества к местному управлению. И хотя земская и городская реформы остались не завершенными (самодержавие вышло из кризиса начала 60-х гг.), а затем и вовсе искаженными введением в 1889 г. Александром III института земских начальников, они выглядят попытками в тех условиях реализовать невысказанную, но подразумевавшуюся идею формирования гражданского общества «по-русски». Возможность вообще говорить о гражданском обществе в связи с земством XIX в. появилась, поскольку в основу реформ их авторами – Н. А. Милютиным, С. С. Ланским были положены принципы выборности и бессословности. Проект реформ был в ходе обсуждения пересмотрен в пользу консерватизма, но в качестве закона – «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» (от 1 января 1864 г.) сыграл большую роль в активизации общественных сил и приближении конституционных перемен (правда, ограниченных Манифестом 17 октября 1905 г.).

По «Положению» избиратели делились на три разряда:

- уездных землевладельцев, имевших не менее 200 десятин земли; более мелких, но владевших не менее чем 10 десятинами и объединявшихся в группы с совокупной собственностью 200 десятин и более и избиравших своего представителя на съезд данной курии; обладателей другой недвижимости, стоимостью от 15 тыс. рублей или получателей годового дохода от 6 тыс. рублей.

В основном это были дворяне и торгово-промышленная буржуазия;

- горожан, владевших недвижимостью от 500 рублей в мелких городах и от 2000 рублей – в крупных; имевших собственное дело с оборотом от 6000 рублей. Это – купцы всех гильдий, промышленники, городская буржуазия, дворяне и духовенство, обладавшие недвижимостью в городе.

Первый и второй разряды прямо выбирали «гласных» в уездные земские собрания.

- выборных от сельских обществ, участвовавших в многоступенчатых выборах: сельский сход – волостной сход – уездный съезд выборщиков – уездное земское собрание. Здесь могли избираться также местные дворяне и церковнослужители, не имевшие имущественного ценза первого разряда. Это обстоятельство приводило к преобладанию дворянского

⁵⁵ Там же. – С. 199.

состава гласных, хотя по «Положению» число представителей первого разряда не должно было превышать суммы двух других, т. е. могло составлять не более 49 %.

Земские собрания как распорядительные учреждения имели уездный и губернский уровни, количество гласных по различным уездам колебалось от 10 до 96, а по губерниям от 15 до 100. Гласные губернского собрания избирались на уездных собраниях. Гласные не получали вознаграждения за свою трехлетнюю деятельность. Земские собрания обычно созывались в декабре, но могли быть и внеочередными. Исполнительные земские управы избирались на тот же срок на соответствующих уровнях собраний – три члена уездной управы, семь членов – губернской. Члены управ работали постоянно и получали жалование. Во всех формах земщины преобладало поместное дворянство, причем если в уездных собраниях их число в 1865–1867 гг. доходило до 42 %, а в управах до 55,5 %, то в губернских собраниях – до 74 %, в управах – до 89,5 %. По «Положению» председателями земских собраний становились уездные и губернские предводители дворянства, а председатели управ утверждали соответственно губернаторы и министр внутренних дел.

Земства вводились только в губерниях с преобладанием русского дворянства. Они не распространялись на национальные окраины, а также Сибирь, Архангельскую, Астраханскую и Оренбургскую губернии, где почти не было дворянского землевладения. Из 78 губерний земства вводились только в 34, где предполагалось избрать 13 тыс. гласных (6200 от землевладельцев, 5200 от крестьян, 1600 от городов), реально были избраны 11,5 тыс. гласных.

Земства существовали за счет сборов с населения: 1 % брался с доходности земли, с земледелия и промыслов крестьян, с дохода торгово-промышленных заведений. Поскольку десятина крестьянской земли облагалась вдвое большим сбором, чем десятина дворянской, а крестьян было в гигантской пропорции больше, то основные земские сборы ложились на крестьян. Деятельность земских учреждений не имела политических функций. Запрещены были даже взаимодействия земств. Это было управление лишь в сфере хозяйства (прежде всего агрокультуры, продуктивности скота, ветеринарии), медицины, образования, страхования, статистики, почты, приютов, тюрем и т. п. Для проведения этой деятельности нанимался «третий элемент» земства (в дополнение к гласным и членам управ) – профессионалы, количество которых составляло около 85 тыс. чел.

Земства находились под неусыпным контролем центральной и местной властей, многие решения собраний и управ должны были утверждаться министром или губернатором, а с 1866 г. должностных лиц земских учреждений стало возможным отстранять за «неблагонадежность»⁵⁶.

Несмотря на ограниченность в правах, земства сыграли большую роль в просвещении огромной массы крестьянства, стали первыми учреждениями, где крестьянство получило право выбора (в сравнении с земскими учреждениями XVI–XVII вв.) и где, несмотря на запреты, складывалась либеральная оппозиция самодержавию. Как считает известный исследователь социальной истории дореволюционной России Б. Н. Мironov, реформы, размежевавшие коронное управление и общественное самоуправление, стали и фактом и фактором становления гражданского общества.⁵⁷

Однако препятствием для развития гражданского общества оставалась община, которую требовалось преобразовать в организации всего общества, а человека-общинника убедить принять в них участие, преодолев патриархальные соседско-родственные связи. Реформа П. А. Столыпина, которую многие считают несостоявшейся, как раз и была попыт-

⁵⁶ Черных А. И. Гражданское общество в России... С. 75–77; История России XIX – начала XX в. / Под ред. В. А. Федорова. М., 1998.

⁵⁷ Мironov Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 2. С. 287.

кой движения в этом направлении, на наш взгляд, оправданно неспешной, и возможно, в силу этого достаточно глубокой. Безвременная смерть реформатора, война, революции не дали возможности завершить это движение.

В том же русле проводилась и городская реформа. Сословные органы городского самоуправления, существовавшие еще с 1785 г., заменялись сословными на основе имущественного ценза. «Городовое положение» прошло долгое восьмилетнее обсуждение и было принято в июне 1870 г. Сначала в 509, затем в 621 городе, но в отличие от земского самоуправления по всей России, кроме Средней Азии, Польши и Финляндии, где действовало прежнее городское управление, путем бессословных выборов на 4 года создавались городские думы, из состава которых избирались исполнительные городские управы – городской голова, его «товарищ» – заместитель и несколько членов.

Однако, в отличие от земского самоуправления, в городское не было доступа основной массе горожан: рабочим, служащим и интеллигенции, ибо согласно заимствованной прусской системе выборов имущественный ценз был связан с налогами с городских учреждений и недвижимости. Частные плательщики налогов (мужчины с 25 лет), разделенные в соответствии с суммами налогов на три класса, а также платившие в бюджет городские учреждения и общества, церкви и монастыри, получавшие по одному месту в Думе, представляли незначительную часть горожан. Причем чем крупнее был город, тем меньше был удельный вес избирателей в составе населения. В городах с 5 тыс. жителей – это было 10,4 %; от 20 до 50 тыс. жителей – уже 4, в Москве – 3,4, в Петербурге – лишь 1,9 %. Велик был разрыв и между классами крупных, средних и мелких налогоплательщиков-избирателей. Так, в Москве первый класс был представлен в 8 раз большим числом гласных в Думу, чем второй, и в 40 раз – чем третий. Деятельность городского самоуправления также жестко контролировалась сверху и ограничивалась хозяйственной деятельностью. Впрочем, в силу низкого уровня участия вопрос о городском самоуправлении затрагивается лишь для того, чтобы показать соответственно минимальные возможности горожан в формировании ассоциаций гражданского общества через систему самоуправления.

В сравнении с европейскими формами становления гражданского общества следует подчеркнуть еще одну российскую особенность этого процесса – он шел не «снизу», в основном через экономические объединения граждан, а через предоставлявшиеся «сверху» возможности ассоциаций в самоуправлении: в сельской местности – большие для дворянства, в городе минимальные. Возможно, в этом кроется одна из причин повышенного интереса городской интеллигенции к земской профессиональной деятельности. Это было «управляемое самоуправление», вряд ли подходившее под мерки европейской идеологии гражданского общества. Б. Мионов назвал эти особенности «асинхронностью и асимметрией» развития⁵⁸.

И все же российское общество конца XIX – начала XX в. стремилось к статусу «гражданского». Ограничения периода реформ Александра II и препятствия периода контрреформ Александра III оно пыталось «обойти» через самостоятельные организации (правда, также требовавшие «высочайшего соизволения»), такие как благотворительные по оказанию помощи детям, беднякам, учащимся в получении профессии, исправительным колониям и приютам (их число росло от 1690 в 1897 г. до 45 000 в 1905 г.); общества и кассы взаимопомощи для городских трудящихся; просветительские (в губерниях, не охваченных земством, наблюдался рост от 135 в 1898 г. до 200 в 1905 г.); врачей и медицинских обществ (рост от 100 в 1890 г. до 130 в 1905 г.); профессиональные объединения ученых и творческих работников (около 180 в начале XX в.).

⁵⁸ Там же. С. 289.

Несмотря на замедленность, вызванную спецификой условий, в России шел процесс становления идеи и формирования реального гражданского общества. Он был прерван революционными событиями 1917 г. и установлением режима, полностью вытеснившего теоретические и практические ростки гражданского общества. Возможности возрождения идеи и процесса становления гражданского общества были поставлены в зависимость от существования этого режима.

2.3. Специфика развития гражданского общества в условиях переходного периода

Соотношение гражданского согласия как константы гражданского общества и лавинообразного процесса формирования и сближения его составляющих в переходные периоды развития общества представляет, на наш взгляд, большой интерес и может быть проанализировано на отечественном опыте.

Так, вопрос о причинах крушения советской власти в СССР в конце 1980-х гг. остается не решенным до конца. Среди многочисленных объективных и субъективных причин называются экономический кризис и поспешность в политических трансформациях, способствовавшие росту критических настроений в различных слоях населения и влияния разнообразных общественных движений. Упрощенные представления о миллиардных вложениях внешнеполитических соперников нашей страны, получающие подкрепление в связи с событиями последнего времени в Грузии, Украине, Киргизии, соседствуют с углубленным анализом состояния общественного сознания периода реформ и динамики формирования и укрепления организаций гражданского общества, впервые после шести десятилетий тоталитаризма получивших право на жизнь. Вряд ли сегодня возможно дать окончательный ответ на поставленный вопрос. Историки привыкли к тому, что фактическая канва происходившего в не столь отдаленном прошлом становится ясной тогда, когда она не искажена апологетическим комментарием участников, озабоченных своим имиджем и предпочитающих дозировать информацию для ученых.

Однако это не значит, что анализу коренных изменений в политической, экономической, социальной жизни общества переходного периода еще не пришло время. Перемены в социальном менталитете, психологии, правосознании, в составе и целях неформальных общественных движений, т. е. в тех сферах, которые формировались вне властных структур, вполне доступны для исследования. В одних случаях эти перемены являются функцией реформ, в других – сами реформы выступают следствием изменений в общественном сознании и поведении.

При анализе переходного периода представляется возможным свести воедино проблемы становления гражданского общества и радикализма как теоретического и идеологического основания преобразований. Практически почти все публикации постсоветского периода говорят о гражданском обществе как о чем-то неопределенном. Противники концепции гражданского общества говорят о том, что это привнесенная с Запада идея, о том, что и на самом Западе эта идея не пользуется популярностью у ученых. Действительно, за последние два-три десятилетия мы не видим того количества публикаций, которого заслуживает проблема формирования и функционирования этой важнейшей составляющей демократической политической системы. Даже в фундаментальном труде Дж. Коэна и Э. Арато⁵⁹ говорится о том, что гражданское общество – это нечто, что с трудом поддается определению.

Похоже, следует отойти от впечатления, которое превалирует у сторонников гражданского общества, что его формирование – это эволюционный процесс, а его основными характеристиками являются гражданское согласие, толерантность и консенсус.

О гражданском обществе говорится, что это – либо идеал, который недостижим в российских реалиях, либо, что гражданское общество существовало всегда. Так делаются попытки найти следы формирования гражданского общества в Российской империи, например, в период осуществления реформ 1870-х годов.

⁵⁹ Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. С. 22–25, 36–39.

Тем более не оправданными выглядят попытки доказать существование гражданского общества в советский период, когда его проявления были еще менее заметны, чем в Российской империи, а свободные ассоциации граждан полностью подавлялись правящей коммунистической партией (например, важным обстоятельством, мимо которого проходят исследователи, являлось использование института неуставных партийных организаций, создававшихся во всех общественных структурах того времени – от Советов депутатов трудящихся всех уровней до обществ филателистов или спортсменов) и государством, чьи репрессивные органы партия использовала, внеся в конституцию (преамбулу и ряд статей) цель – строительство коммунизма, которую граждане данного общества не могли игнорировать, и средство – «руководящую и направляющую роль» самой партии⁶⁰. В таких условиях гражданское общество не могло состояться.

Однако, как научная категория «гражданское общество» получила право на жизнь в юридической литературе, прежде всего в теории государства и права, для характеристики политической организации общества (категория «политическая система» стала применяться и признаваться позднее), состоявшей из государства как выразителя общих интересов и гражданского общества, чьи организации представлялись выразителями частных интересов. Гражданское общество было жестко структурировано. Политические движения практически не существовали, политическая партия была одна (в отличие от ряда европейских стран социализма или Китайской Народной Республики, где использовалась квазимонопартийная система, при которой выборы в представительные органы власти осуществлялись по квотам, не допускавшим даже в суммарном выражении превосходства над правящей марксистской партией, а решение всех важных вопросов осуществлялось правящей партией монополично). Общественные организации существовали и были зарегистрированы в органах юстиции, но по указанным выше причинам не могли влиять на политическую жизнь. Только в период перестройки они при первых альтернативных выборах народных депутатов СССР (1989 г.) и РСФСР (1990 г.) получили возможность избрать половину всего депутатского корпуса, правда, по квотам и на съездах и пленумах руководящих органов, в которых было немало функционеров правящей компартии⁶¹.

Исходной для будущих радикальных участников организаций гражданского общества стала психология «винтиков», вписанных в иерархию отношений административно-командной управленческой структуры и отражавших согласие с действительностью. Эта психология существенно влияла на правосознание и поведение людей, обеспечивала всевластие партийных и советских структур, которое воплощалось в господстве внеэкономических методов принуждения, стимулирования и поощрения. Традиция поклонения перед властью (часто персонифицированной) дополнялась страхом перед потенциальными репрессиями (плохая характеристика, ограничения в продвижении по службе, в поступлении в вуз, во вступлении в жилищный кооператив, «профилактическая» беседа в первом отделе и т. п. Высылку, психиатрическую лечебницу или лагерь вряд ли можно отнести к репрессиям, отражавшимся в массовом сознании «винтиков», это скорее был удел «миссионеров»)⁶². Коллективистская компонента системы образования подавляла личностную, индивидуалистскую, приводя к трансформации межличностных отношений в рамках общности. Коллективная ориентация на уравнильность как цель общества приводила к личной

⁶⁰ Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. 2-е изд. СПб., 2002. С. 107, 153.

⁶¹ Налицо было нарушение принципа демократических выборов «один человек – один голос», так как все участники съездов и пленумов общественных организаций по сравнению с рядовыми избирателями получали дополнительный голос – здесь и на избирательном участке по месту жительства. Интересно, что юрист А. А. Собчак, восторженно оценивая новые возможности в своей книге «Хождение во власть» (1991), прошел мимо этого обстоятельства.

⁶² Олышанский Д. В. Массовые настроения в политике // Политика: проблемы теории и практики. Вып. VII. Ч. 1 / Отв. ред. С. В. Братчиков. М., 1990. С. 142, 151–158.

политической подчиненности. Конституционно-правовая ориентация граждан (преамбула Конституции СССР 1977 г.) на строительство коммунизма, а также личное участие в массовых ритуальных формах поддержки властей (например, в первомайской или ноябрьской демонстрациях, в собраниях трудового коллектива) вследствие принятия лозунгов или ради самосохранения (санкции за неучастие для членов партии выражались в виде критики на партсобрании или даже в партийном выговоре, для беспартийных – в публичном осуждении или даже отражении в характеристике) существенно дополняли негативные факторы становления гражданского общества⁶³.

Дополнительное психологическое давление в сравнении с рабочими, колхозниками или военнослужащими ощущала интеллигенция⁶⁴: рост для служащих, технической и даже научной интеллигенции был связан обычно с вступлением в партию, но поскольку социальный состав партии был регулируемым, а рабочие и крестьяне не видели особого смысла в уплате взносов, в регулярном посещении собраний и других мероприятий, в критике за образ жизни и др., то процесс вступления в партию затягивался, а иногда и разрешался в пользу менее заслуживающего кандидата.

Изменениям в массовом правосознании предшествовали условия «оттепели» хрущевского периода. После развенчания культа личности и массовой реабилитации жертв сталинских репрессий внесудебные формы преследования политических и идеологических оппонентов ушли в прошлое, были отменены политические и идеологические статьи законодательства. Однако борьба с инакомыслием и инакомыслящими продолжалась.

Инакомыслие не могло преодолеть барьеры, установленные правящей партией. Сохранялась система образования, стандарты которой базировались на марксистско-ленинской (причем в ортодоксальном виде, резко отличавшемся от позиций зарубежных марксистов) платформе. Книгоиздательство подвергалось жесткой селекции и цензуре. Средства массовой информации полностью подчинялись политике партии. Возможности литературы, драматургии и кинематографии определялись и ограничивались социально-идеологическим «заказом». Исключение составлял «эзопов язык», понятный только «посвященным».

Инакомыслящие же получили некоторые «послабления» в виде более разнообразного «букета» санкций и их оснований, которыми становились только действия. Действия по созданию организации инакомыслящих могли получать правовую оценку суда (в 60-е годы в Ленинграде были осуждены лидеры студенческих групп университета и Технологического института) и санкции КГБ (ссылка в Горький А. Сахарова). Нелегальные издания («самиздат») могли повлечь за собой уничтожение тиража, штраф, увольнение с работы и т. п. Пересылка текстов для издания за границу в зависимости от значимости нарушителей могла закончиться либо публичным осуждением (Б. Пастернак), либо преследованием и часто высылкой за границу и лишением гражданства (И. Бродский, А. Солженицын, А. Синявский). Несанкционированные митинги в сочетании с другими действиями могли приводить к санкциям, определенным судом, либо к принудительному лечению⁶⁵.

Вместе с тем уже само возникновение и существование диссидентских движений означало как наличие иных условий, так и сдвиги в массовом правосознании и психологии, воплотившиеся в деятельности пока еще очень ограниченной части интеллигенции. Изменения в массовом правосознании были связаны с событиями конца хрущевского периода. Этому способствовал провал претенциозной Программы КПСС – программы «развернутого строительства коммунизма», не выдержавшей уже первых испытаний – двух подряд неуро-

⁶³ Гозман Л. Я. Психологические аспекты торможения социальных изменений // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 5–14.

⁶⁴ Дилигенский Г. Г. Перестройка и духовно-психологические процессы в обществе // Вопросы философии. 1987. № 9. С. 3–19.

⁶⁵ Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 2001.

жаев. Провал, имевший далеко распространившиеся последствия, – почти всеобщее неверие в достижение «светлого будущего» и растущее недоверие к власти, и в частности, к власти Коммунистической партии (массовая психология отразила это в беспрецедентном росте количества анекдотов), и отстранение самого Хрущева от власти, показавшее возросшие возможности демократии в нашей стране (с его собственной точки зрения), а с другой стороны – зависимость даже главы партии и правительства от властных структур – номенклатуры и административно-командной системы в целом.

Массовое правосознание, предшествовавшее переходному периоду (условно – с начала перестройки, которое обычно отсчитывают с апреля 1985 г., с Пленума ЦК КПСС, где М. С. Горбачев выступил с концепцией ускорения научно-технического прогресса, хотя, перестройка реально началась с январского (1987 г.) Пленума ЦК, посвященного демократизации общества), еще не было готово к радикальным переменам⁶⁶, хотя правозащитное (а права человека возможно было отстаивать, только осуществив коренные изменения) движение возникло еще в 1960-х гг. (в 1969 г. создана «Инициативная группа защиты прав человека в СССР») и укрепило позиции после подписания Хельсинкского соглашения 1975 г. с его так называемой «гуманитарной корзиной».

«Мостик», который можно перекинуть от проблемы радикализма к проблеме гражданского общества, появляется в период позднего перестроечного процесса, когда начали создаваться организации, которые ранее не существовали. Демократизация первоначально предполагала развитие событий, по крайней мере, по трем направлениям. Первое – это выборы на предприятиях руководителей среднего и высшего звеньев. Позитивная идея не дала ожидаемых результатов – менталитет рабочих-выборщиков формировался в других условиях, имевших место в 1970–1980-е гг., когда ценность руководителя была не в рациональности и эффективности – результаты все равно нивелировались всей системой морального и материального поощрения, а в его покладистости и примирительном отношении к довольно частым нарушениям трудовой дисциплины.

Вторым направлением демократизации стала гласность, которая, несмотря на негативные латентные последствия, была шагом вперед. Гласность подталкивала к переоценке пути, который прошла наша страна, начиная от периода революции и Гражданской войны. Появились новые оценки экономической и социальной жизни, решения национальных проблем. В острой постановке прозвучал вопрос о доверии к компартии, допустившей столь масштабные репрессии; об ошибках, которые были допущены и продолжали допускаться, ухудшая экономическое положение основной массы населения. Это недоверие и переоценка исторического пути стали основаниями для формирования нового правосознания и создания целого ряда радикальных движений переходного периода⁶⁷. Гласность создала возможность знакомства с наследием эмигрантов первой волны и с их оценкой Октября, Гражданской войны, Белого движения, затем последующей межвоенной эмиграции, в которую входили представители большевистской верхушки, в чем-то несогласные со сталинским руководством – это троцкистское партийное крыло и отдельные противники централизации власти в руках Сталина и других проявлений авторитаризма вождя. Их мало, но их имена, воспоминания, оценки начинали наполнять научные и популярные издания. Эмиграция послевоенного периода – это еще недавние диссиденты, чьи суждения были ценны тем, что они не были отдалены временем и их суждения могли разделяться современниками. Возвращались имена и содержание идей репрессированных соотечественников как политической элиты, так и деятелей культуры, идеологических оппонентов большевизма.

⁶⁶ Маслова А. Г., Маслова А. О. От социального конформизма к политическому участию // Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1992. № 2.

⁶⁷ Трушин Б. А. Процессы массовизации в современном обществе // Рабочий класс и современный мир. 1988. № 6. С. 30–47.

Гласность – это направление, которое давало возможность свободно оценивать то, что происходило на глазах: состояние режима, связей, номенклатурных отношений, административно-командной системы, просчеты, имевшие структурный характер и отдельные случайные негативные проявления. Все это выплескивалось в виде критических материалов в СМИ: в общественно-публицистической периодике, читавшейся широким кругом населения. В «толстых» журналах – достоянии интеллигенции, появился ряд «властителей дум», умело использовавших ситуацию и свой талант «быстрого пера». Было много недостоверного, надуманного, заложенного в комментарии к реальным фактам и событиям, но все это создавало определенный фон, при котором для власти уже было затруднительно вернуться назад, «закрутить гайки».

Третье направление демократизации состояло в возможности подготовки и проведения альтернативных выборов. Но поскольку КПСС оставалась единственной партией вплоть до середины 1990 г., то альтернативность возникала за счет создания различных движений. Так, первые объединения избирателей 1989–1990 гг., получившие право выдвижения своих кандидатов в противовес кандидатам «блока коммунистов и беспартийных», появились на базе дискуссионных клубов в поддержку перестройки в крупнейших городах страны. Как и предполагали классики социальной психологии (Г. Лебон, К. Юнг, С. Московичи⁶⁸), в условиях господства мифов и иллюзий можно было усмотреть и элементы организации и толпы. Организации формировались в движения, а затем – в партии. Толпа приводила к кровавым столкновениям в Тбилиси, Вильнюсе, Баку. В первом случае превалировали правовые подходы, разрешенные властью действия, во втором – господствовал правовой нигилизм, искаженные представления о демократии как о вседозволенности⁶⁹.

Рассматривая опыт Ленинграда – Санкт-Петербурга, можно первыми по времени появления считать правозащитные движения, потом движения в защиту памятников культуры, а в республиках – движения в защиту национальной культуры (как правило, титульного этноса). Эти движения при заметных различиях в целях были едины в одном – они отражали радикальные настроения населения в отношении норм и традиций советского времени. Самым парадоксальным образом установка на уравнительность обрела консервативный оттенок. Напротив, либеральные иллюзии (например, конкурс вместо номенклатуры) в сочетании с демократическими ожиданиями стали укрепляться в массовом сознании как элементы правовых установок⁷⁰.

Поскольку распад Советского Союза произошел по существовавшим границам республик, то обычно говорится о национальных движениях (т. е. вслед за защитой национальной культуры наступает черед движений, связанных с национальным самосознанием и особенностями истории вхождения этих народов в состав Российской империи или Советского Союза), ставших центробежными силами распада. Пожалуй, следует уточнить, что главным фактором распада был национально-территориальный принцип формирования федерации, который отстоял в 1922 г. В. И. Ленин, возможно, посчитавший, что первоначальный лозунг культурно-национальной автономии, характерный для интернационализма марксистов (и в случае его реализации оставлявший Россию унитарным государством), был неприемлем в условиях, когда целый ряд народов уже испробовал самоопределение. Национального федеративного устройства не выдержал не только Советский Союз, но и Югославия, и даже благополучная Чехословакия.

⁶⁸ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995; Одайник В. Психология политики: Политические и социальные идеи К. Г. Юнга. М., 1996; Московичи С. Век толпы. М., 1997.

⁶⁹ Шестопал Е. Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М., 2000. С. 341–355.

⁷⁰ Лопушанский И. Н. Политическая жизнь Санкт-Петербурга. 1703–2003. – СПб., 2003. – С. 53–60.

Не меньшее значение в процессе разделения республик имел сепаратизм, причем идеи сепаратизма охватили не только титульный этнос каждой республики. Назревавший экономический кризис, усиливавшийся принятыми в период перестройки частично недостаточно продуманными, а в целом несвоевременными законами об индивидуальной трудовой деятельности, о кооперативах, о социалистическом предприятии, предельно расширившем их возможности самостоятельно искать партнеров и реализовывать продукцию, привел к превалированию бартерных отношений сначала между теми предприятиями, которые производили товары широкого потребления и продовольственные товары, затем к автаркии целых регионов. Всеобщий дефицит привел к необходимости введения rationирования по все возрастающему количеству видов продовольствия, моющих средств, ширпотреба. Поэтому в ряде республик, традиционно считавшихся благополучными в сфере сельскохозяйственного производства, стремление отделиться от «голодной» России охватило и русскоязычную часть населения (это показали референдумы, проводившиеся уже после августовского «путча» ГКЧП в 1991 г.).

Политическая социализация в сочетании с появившимися новыми политическими институтами явно опережала экономические преобразования и формирование правовых установок. Прямым результатом такого процесса стало поражение правящей партии и разрушение политической системы под ударами радикальных движений гражданского общества. Косвенными результатами стали криминогенные условия жизни постсоветского общества и рост преступности.

Эрозия коммунистических режимов в конце 80–90-х годов уходящего XX в. привела к обновленному интересу к возможностям гражданского общества противостоять тоталитаризму сначала у диссидентов, затем у политиков и теоретиков из числа разочаровавшихся марксистов. Для одних – это был рецидив индивидуалистического и конституционного либерализма, для других – признание превосходства свободного рынка над централизованной плановой экономикой. Как эхо это отразилось и на Западе, где в большей или меньшей степени гражданское общество существовало (в элементах) несколько столетий, но понятие и идея его крайне редко использовались средствами массовой информации или академическими политологами⁷¹. Популярность идеи в странах бывшего коммунистического мира способствовала ее общему ренессансу во всех странах либеральной демократии или движущихся в ее направлении.

Похоже, историк находится в более выгодном положении в процессе анализа гражданского общества, чем его партнеры-соавторы, поскольку в этом анализе рассматривает разные временные пласты, а именно переходный период в жизни каждого общества (не только российского). Этот период характеризуется наибольшей степенью гражданского согласия, концентрацией усилий слабых в их разрозненном и зачастую еще не сформировавшемся до конца состоянии ассоциаций гражданского общества в достижении единой для них цели: разрушение прежнего режима и установление нового. Остережемся назвать этот новый режим демократическим, поскольку векторно совпадающей целью временного, но чрезвычайно мощного по масштабам и последствиям гражданского согласия, явилось разрушение. А в созидании, как это и предсказывал Гегель, составляющие гражданского общества, обладая множеством разнонаправленных идеалов, не являются солидарными. В современном состоянии гражданского общества, пожалуй, доминирует толерантность (как должное), а в сравнении с кризисными условиями переходного периода взаимодействия в гражданском обществе выглядят вялотекущими, отвращая от себя исследователей (как у нас, так и за рубежом, оживляющихся только на время кризисов). Потенциал гражданского согласия, проявив

⁷¹ ShibEd. Op. Cit.p. 327.

себя в России и Восточной Европе (в Грузии, Украине, Киргизии), ждет новой возможности своего осуществления.

Раздел 3

Экономические основания гражданского общества и правовой государственности

3.1. Экономическая свобода и независимость личности – предпосылки становления гражданского общества

Становление гражданского общества и правового государства, являющееся одним из важнейших итогов естественно-исторического развития человеческой цивилизации, имеет свои достаточно четко обозначенные экономические основания. Именно эволюция рыночных отношений на определенном этапе приводит к зарождению гражданского общества как некой ассоциации экономически свободных и независимых граждан, союза автономных, суверенных, свободных личностей, равных друг другу и обладающих частной собственностью на условия своей жизнедеятельности. Генезис же гражданского общества, в свою очередь, детерминирует возникновение явления правовой государственности. К сожалению, таким образом представленная структуризация взаимной связи и обусловленности трех социальных феноменов (рыночной экономики, гражданского общества и правового государства) до настоящего времени остается слабо усвоенной как представителями научной среды, так и самим политическим истеблишментом России. Данное обстоятельство, по нашему убеждению, имеет свойство методологического порока и явно препятствует определению обоснованной стратегии движения российского общества к идеалам демократии и свободы.

Остановимся на рассмотрении ряда сущностных теоретико-правовых положений по ключевым проблемам становления гражданского общества и формирования правовой государственности, которые представляют особый интерес с позиций осуществления системных социальных трансформаций в России и проведения преобразований сферы экономических отношений. Попытаемся обозначить нашу собственную позицию в фокусе современных научных представлений о правовом государстве, его понятии, структуре, принципах, функциях, целях и средствах, этапах развития, условиях устойчивого функционирования, корреляционной взаимообусловленности с феноменом гражданского общества и его экономическими основаниями.

Право и государство – суть разные стороны единой социальной реальности. Не порождая друг друга, они в то же время выступают в качестве исторического продукта творчества общества. Иными словами, общество в процессе своего естественно-исторического развития порождает и выкристаллизовывает оба этих социальных продукта-феномена. Последние в процессе своей долгой эволюции выступали, как правило, как некие противоположности, по духу своему недалеко отстоящие (с позиций интересов общества) от антиномии типа «добро – зло». Действительно, в истории развития человечества глубочайший след оставлен целыми эпохами политической борьбы общества с произволом государственной власти, вмешательством государства в жизнь общества и отдельной личности, принятием так называемых неправовых законов, установлением авторитарных политических режимов и насаждением власти тирании.

В единстве и борьбе данных феноменов-противоположностей западная цивилизация в конце концов подошла к нахождению путей разрешения казавшегося непреодолимым про-

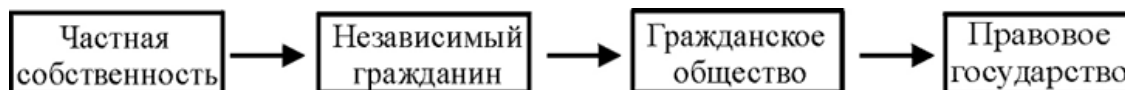
тиворечия между социальным (т. е. правом) и политическим (т. е. государством). «Снятие» противоречия оказалось возможным посредством подчинения государства принципам права, или, иначе говоря, в форме существования правовой государственности, правового государства. Чтобы понять, насколько сегодня российскому обществу сложно реализовать на практике эти идеи и что необходимо преодолеть, обратимся к той части учения о правовом государстве, которое говорит о свойствах, принципах и содержании этой новой социальной реальности.

Ключевым свойством правового государства является его детерминированность: оно вырастает лишь на почве гражданского общества. Иными словами, вне существования гражданского общества идея правового государства является абсолютной утопией. Гражданское общество означает сосуществование свободных и суверенных личностей, обладающих в результате появления у них частной собственности экономической независимостью как от государства, так и друг от друга. Отсутствие этих детерминант (социальных данностей) означает, соответственно, и отсутствие самого гражданского общества как объективной основы появления правового государства.

Экономическая независимость личности есть, на наш взгляд, такой уровень личной свободы индивида, который дает последнему возможность быть относительно независимым от других людей в удовлетворении своих (и своей семьи) потребностей, интересов, желаний и устремлений, быть относительно свободным в выборе места работы, жительства, в получении образования и профессии, в поддержании достойного человеческого уровня жизни и благосостояния. Основа экономической независимости личности – частная собственность, собственность, которой обладает индивид. Естественно, для обеспечения личной экономической независимости нужно не только наличие собственности, но требуются еще и другие предпосылки – прежде всего политические и правовые.

Если политическая система исключает возможность существования частной собственности в обществе, а правовая система не закрепляет и не охраняет право граждан на частную собственность (право владеть, пользоваться и распоряжаться ею), то личная экономическая независимость индивидов остается нереализованным идеалом. С другой стороны, реально обеспеченная экономическая независимость личности выступает надежным основанием для реализации независимости и свободы личности в других сферах жизнедеятельности: политической, социальной, духовной. При этом экономическая независимость личности не может подразумевать отгороженность, автаркию личности, индивида от общества. Наоборот, она предполагает значительную степень его солидарности с другими людьми, более высокий уровень интеграции индивида в социум.

Сущностную взаимосвязь между частной собственностью и личной независимостью человека, а также возникновением основ гражданского общества и правовой государственности наиболее наглядно раскрывает формула П. А. Столыпина, извлеченная из архивов и впервые озвученная Солженицыным⁷² еще накануне наших рыночных реформ:

Частная собственность порождает независимых граждан. Независимые граждане составляют гражданское общество, а складывающееся гражданское общество, в свою оче-

⁷² Показательным, кстати, является отказ А. Солженицына (как человека и гражданина, глубоко осознающего смысл и значение правовой государственности) принять от президентской администрации высший орден современной России – Орден Святого Георгия в день своего восьмидесятилетия (11.12.98 г.). Отказ был мотивирован тем, что он не может получить данную награду «из рук властей, доведших до такого состояния Россию...».

редь, ведет к возникновению правового государства. Трудно более четко отразить логическую связь между названными явлениями!

Вместе с тем обладание частной собственностью индивидами не должно пониматься узко – как лишь владение, пользование и распоряжение каким-либо имуществом либо капиталом (производственным, финансовым, денежным, человеческим). Как было уже отмечено, факт наличия гражданского общества предполагает существование автономных, суверенных, свободных личностей, равных друг другу и обладающих *частной собственностью на условия своей жизнедеятельности*. Именно частная собственность на условия своей жизнедеятельности делает человеческую личность подлинно экономически независимой и свободной. Однако в современном мире наблюдаются иные тенденции, обусловленные углубляющейся корпоративизацией экономики и усиливающимся подчинением государства интересам тех, в чьих руках находится экономическая власть. По словам Дж. Гэлбрейта государство все более затягивается в сети монополий: «Цели общества и корпораций расходятся. Общество должно рассчитывать только на государство в утверждении общественных интересов. Государство же находится в значительной мере под властью корпораций»⁷³.

Концентрация экономической власти (что есть, по сути, концентрация ресурсов) у государства, подчиненного корпоративным интересам крупного бизнеса, не может не ограничивать экономическую свободу индивидов на условия своей жизнедеятельности. Данное обстоятельство, видимо, предопределяет одно из наиболее существенных противоречий в системе экономических отношений, характерных для процессов развития гражданского общества и правовой государственности в современном мире. Это противоречие стало имманентным и для сегодняшней России, что требует от наших исследователей и политиков категорического отказа от «облегченных» представлений об осуществлении идеи гражданского общества, сформировавшихся в период эйфории первых лет демократических преобразований.

Итак, важнейшим результатом естественноисторического пути развития человеческой цивилизации является возникновение и становление гражданского общества и правового государства. Возникший еще в первые годы перестройки интерес нашего обществознания к этим проблемам вполне объясним – мы впервые за долгие десятилетия стали предпринимать серьезные попытки расстаться с наследием тоталитаризма (или тирании, по выражению Монтескье) и сформировать условия для свободного демократического общества. Последнее становится реальностью при интегрировании в систему общечеловеческих ценностей и материализации таких идей как гражданское общество и правовое государство.

Еще на заре российских радикальных реформ немецкий политолог Р. Дарендорф в статье, обращенной к советскому читателю, настоятельно подчеркивал, что «самым существенным и стратегически важным для новых демократий является создание предпосылок гражданского общества»⁷⁴. «Чтобы демократия была действенной, – пишет он, – нужен плюрализм гражданского общества»⁷⁵. А чтобы демократия вообще состоялась, отметим мы вслед за Дарендорфом, нужна свободная цивилизованная рыночная экономика с присущей ей и закрепленной законодательно свободой частной («отдельной» – по Ф. Хайеку) собствен-

⁷³ Гэлбрейт Дж. Жизнь в наше время. М., 1986. С. 395. Кстати, любопытен и показателен факт инверсии взглядов этого выдающегося американского экономиста. Недавно он честно признал, что если бы сейчас писал свою книгу «Общество изобилия», – ставшую, заметим, Библией либерального капитализма, – то назвал бы ее «Общество неравноправия» (см.: Покаяние от лица капитала // Российская газета. 1999. 15 окт. С. 24).

⁷⁴ Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 74.

⁷⁵ Там же. С. 73.

ности. «Фактически гражданское общество – общий знаменатель подлинной демократии и эффективной рыночной экономики»⁷⁶, – настаивает Р. Дарендорф.

Уже в самом начале 90-х годов у нас по данной проблематике появляются первые интересные публикации отечественных авторов. Это относится к работам *К. С. Гаджиева* «Гражданское общество и правовое государство»⁷⁷ и «Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования»⁷⁸, *В. П. Ступишина* «Гражданское общество и демократическое государство»⁷⁹, *Е. Н. Гуренко*, *О. И. Шкаратана* «От этатизма к становлению гражданского общества»⁸⁰, *Б. Я. Замбровского* «К вопросам о формировании гражданского общества и правового государства»⁸¹, *Д. В. Ольшанского* «Трансформация человеческого сознания»⁸², *И. И. Кравченко* «Концепция гражданского общества в философском развитии»⁸³, *Р. А. Пула* «Человек и гражданское общество в истории социальной мысли»⁸⁴, *Б. И. Славного* «Проблемы власти: новые измерения»⁸⁵, а также к ряду других работ, появившихся позднее⁸⁶.

Практически все эти статьи можно отнести к категории работ, в которых делается попытка осмыслить достижения общемировой научной мысли в проработке проблем гражданского общества и правового государства, соотнести их с реальными достижениями Запада в этой сфере и определить, как этот опыт и эти принципы можно было бы имплантировать нашему российскому социальному организму.

Справедливости ради необходимо отметить, что в последующие годы были изданы некоторые обобщающие работы, в которых предпринимались попытки преодолеть фрагментарность изучения названных проблем и представить основы некоего системного изложения всего круга взаимосвязанных вопросов⁸⁷. Однако и в них содержится все тот же порок: опять осталась не усвоенной и не раскрытой особая важность задачи формирования именно экономических оснований гражданского общества и правовой государственности. В связи с этим становятся понятными причины отсутствия у нашего государства в сфере демократических реформ четкой иерархии целей и приоритетов, а также последовательности в действиях.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Гаджиев К. Гражданское общество и правовое государство // МЭиМО. 1991. № 9.

⁷⁸ Гаджиев К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 1991. № 7.

⁷⁹ Ступишин В. П. Гражданское общество и демократическое государство // Общественные науки. 1990. № 1.

⁸⁰ Гуренко Е. Н., Шкаратан О. И. От этатизма к становлению гражданского общества // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 3.

⁸¹ Замбровский Б. Я. К вопросам о формировании гражданского общества и правового государства // Социально-политические науки. 1991. № 6.

⁸² Ольшанский Д. В. Трансформация человеческого сознания // Полис. 1991. № 3.

⁸³ Кравченко И. И. Концепция гражданского общества в философском развитии // Полис. 1990. № 5.

⁸⁴ Пул Р. А. Человек и гражданское общество в истории социальной мысли // СОЦИС. 1991. № 9.

⁸⁵ Славный Б. И. Проблемы власти: новые измерения // Полис. 1991. № 1.

⁸⁶ Красин Ю. А. Гражданское общество: путь к стабильности // Диалог. 1992. № 3; Одинова А. В. Гражданское общество: взгляд экономиста // Государство и право. 1992. № 8; Перегудов С. П. 1) Гражданское общество: «трехчленная» или «одночленная» модель? // Полис. 1995. № 3; 2) Гражданское общество как политический феномен // Свободная мысль. 1992. № 9; Голенкова З. Т., Витюк В. В., Гридчин Ю. В., Черных А. П., Романенко Л. М. Становление гражданского общества и социальная стратификация // Социс. 1995. № 6; Соловьев А. И. Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Полис. 1996. № 6; Развивается ли гражданское общество в России? (материалы научной конференции) // МЭиМО. 1996. № 4; Голенкова З. Т. Гражданское общество в России // Социс. 1997. № 1; Хорос В. Г. Гражданское общество: как оно формируется (и сформируется ли) в постсоветской России? // МЭиМО. 1997. № 5.

⁸⁷ Гаджиев К. С. Политическая наука. М., 1994; Витюк В. В. 1) Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. М., 1995; 2) Гражданское общество в России: западная парадигма и российская действительность / Рук. и отв. ред. К. Холодковский. М., 1996; 3) Гражданское общество в России: структуры и сознание. М., 1998; 4) Правовое государство, личность, законность. М., 1997. К числу таких работ можно отнести и труды отдельных зарубежных авторов: Held D. Models of Democracy. Oxford, UK, 1992; Donati P. (a cura di). La società civile in Italia. Milano, 1997; и др.

Появление принципиально обновленного, качественно более высокого уровня осмысления проблем гражданского общества и правового государства следует ожидать, на наш взгляд, с наступлением следующего этапа познания объективных закономерностей развития человеческой цивилизации, что может произойти, видимо, не ранее чем через два-три десятилетия.

Пока же западная же философская политическая мысль в этом направлении исследований остановилась на тривиально не диалектичном выводе: «Триумф Запада, западной идеи очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив»⁸⁸. Подобные утверждения до боли знакомы: вспомним «единственно верное учение»!..

Как писал выдающийся мыслитель нынешнего столетия С. А. Левицкий, передовые западные демократии фактически не являются либеральными, либерально-демократическими в традиционном смысле этого слова. И есть существенные различия в принципах организации общества и государства в разных странах. Например, Франция и Италия, по выражению Левицкого, продолжают держаться за либеральную демократию и испытывают все в большей степени национальное разложение с растущим экономическим неравенством, а в Германии действует «народный капитализм» с системой перераспределения доходов в пользу самых широких слоев населения и госконтролем над рыночным хозяйством⁸⁹.

В мире еще не завершен процесс становления принципов гражданского общества и правового государства, продолжается поиск форм их реализации на практике. Российское же общество вообще находится пока лишь на подступах к рубежам, за которыми начинается реальное решение этих проблем. Поэтому вполне объясним сегодня интерес отечественных исследователей к накопленному в данной сфере общемировому и дореволюционному российскому опыту и имеющимся научным знаниям. При этом важно не впасть в крайность не критического восприятия либерально-демократических достижений. Об этом предупреждал все тот же С. А. Левицкий: «Либеральная демократия как бы говорит индивиду: ты свободен, но она воздерживается от ответа на вопрос: ради чего я свободен? Единственный ответ на вопрос о смысле свободы для большинства людей: для вящего удовлетворения моих потребностей. Но так как для большинства потребности сводятся к материальному благополучию, то цивилизация, построенная на выработке средств удовлетворения этих чувственно-материальных потребностей, неизбежно будет носить материалистический характер и не будет стимулировать духовные силы человека. В такой материальной цивилизации затухает сам огонь свободы. Когда же теряется идея самоценности свободы, то перестают цениться и блага духовной культуры...»⁹⁰ Иными словами, Левицкий как бы предостерегает будущего свободного российского читателя⁹¹ и показывает, что в лоне современной западной индустриализированной цивилизации демократический либерализм таит в себе внутреннюю опасность, потенциальную возможность перерождения в некий антипод, возврата к тоталитаризму. Это своего рода отрицание отрицания. *Свобода, лишенная определенного духовного смысла, отрицает в конечном итоге самую себя.* Ведь не случайно наши доморощенные борцы за либерально-демократические ценности, придя к власти, до сих пор не могут внятно объяснить массам, ради чего те стали свободны...

Уместно вспомнить слова видного правоведа дореволюционной России Б. Н. Чичерина о связи права и свободы: «Источник всякого права есть свобода. Право есть именно опре-

⁸⁸ Фукуяма М. Конец истории?// Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134.

⁸⁹ Фрагменты книги С. А. Левицкого «Трагедия свободы» (Франкфурт-на-Майне, Посев. 1958) опубликованы в журнале «СОЦИС» (1991. № 4. С. 125–150).

⁹⁰ Левицкий С. А. Трагедия свободы. М., 1995. С. 358.

⁹¹ Мы уверены, что именно в надежде на такое – пусть не скорое, пусть через многие годы или десятилетия – прочтение и писались многие произведения лучшими представителями «русского зарубежья»!

деленная законом свобода или возможность действовать»⁹². Эта же мысль проходит красной нитью и в его других фундаментальных трудах, в первую очередь, конечно, в «Философии права»⁹³. Следовательно, где нет свобод – там нет и права. Это позволяет с нетрадиционных для нас позиций взглянуть и на наше недавнее «советское общество», глубже понять его существенные стороны. Среди последних, как оказывается, важное место занимали по сути феодальные социальные и политические отношения. Впрочем, «феодалность» мы можем найти и в соответствующей советскому периоду системе производственных отношений. Примером тому выступала «личная несвобода» работников.

В результате буржуазно-демократических революций происходит прежде всего политическая эмансипация, освобождение общества от политики, от государства. Появляется личная свобода (свобода человека и свобода гражданина), появляется независимая, автономная личность. И, следовательно, появляется гражданское общество как своего рода социальное пространство, в котором люди взаимосвязаны и взаимодействуют между собой в качестве независимых индивидов. Независимых как друг от друга, так и от государства.

В отличие от теократии при феодализме в буржуазном обществе берет верх наряду с правовым светское начало. Упраздняется гомогенное единство политики, религии и идеологии. Разделяется общественное и частное: общество и государство, мораль и право, социальная и политическая сферы, социально-экономическая роль (функция) индивида и его правовой статус, частное лицо и гражданин общества. Здесь правовой статус индивида отделен от его социально-экономической роли в гражданском обществе, что превращает его одновременно и в частное лицо и в гражданина общества. Сфера частных интересов, наемного труда и частных прав освобождена от политического контроля. Во главу угла поставлены свобода и естественные способности отдельного индивида как самостоятельной, независимой единицы социального действия.

Лежащий в основе этого подхода индивидуализм развивался наряду с гуманизмом, с идеей человеческой свободы, плюрализмом мнений и убеждений. На первый план выходит самоценность автономного индивида, свобода определять формы и сферы своей деятельности, и прежде всего деятельность в области производства потребительных стоимостей.

И. Кант, разрабатывая проблемы правового государства, вводит понятие моральной автономии личности. Согласно его утверждениям, о правовом порядке можно говорить лишь там, где признается, что общество не зависит от государства и располагает средствами и санкциями, с помощью которых оно может заставить индивида соблюдать общепринятые нравственные нормы. Именно такие институты гражданского общества, как семья, школа, церковь, соседские общины, ассоциации, сообщества и т. п. способны выполнять подобную роль. Это функция именно гражданского общества, а не государства. При этом важно проводить различие: гражданское общество обеспечивает права человека (т. е. социальные права), а правовое государство – права гражданина (т. е. политические права). В совокупности же они обеспечивают права личности, реализуя принцип дополнительности.

Таким образом, свободная личность, ее право на самореализацию выступают в качестве основополагающего условия существования и гражданского общества, и правового государства.

В марксизме идея гражданского общества и правового государства тоже получила свое освещение. У К. Маркса даже есть признание кантовского постулата о разделении государства и гражданского общества и тех функций, которые они выполняют. Маркс вполне правомерно подчеркивал, что не государство создает гражданское общество, а гражданское общество создает государство. В целом положительно оценивая воззрения Гегеля о гражданском

⁹² Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1899. С. 10.

⁹³ Чичерин Б. Н. Избр. труды. Изд-во СПбГУ, 1997. С. 64, 166 и др.

обществе и его характеристике, а также отмечая постановку проблемы взаимоотношений этого общества и государства, в работе «К критике гегелевской философии права» Маркс, по сути, отрицал гегелевский тезис о подчиненности гражданского общества государству. Основатель «научного социализма» считал, что гражданское общество имеет преходящий характер в связи с тем, что порождает своего могильщика – пролетариат. Созвучна с этим и известная идея отмирания государства и, соответственно, права. Следуя данной логике, отношения между государством и гражданским обществом, исходящие из принципа их разделения, применительно к будущему теряли всякий смысл. Где нет государства, там нет и правовых отношений (и институтов), как и нет прав.

По Марксу, в царстве свободы не поднимают вопрос о праве на свободу, и, соответственно, будущее коммунистическое общество представлялось не просто без государства, но и без власти. Где отсутствует власть, там никто не нуждается в управлении и, следовательно, теряет смысл само понятие «правление народа», т. е. «демократия». Однако на низшей, переходной ступени допускалась возможность сохранения «государства диктатуры пролетариата»...

В связи с этим было бы целесообразно вспомнить М. Бакунина, как одного из главных оппонентов Маркса. В работе «Государственность и анархия» он подвергает идею К. Маркса о диктатуре пролетариата серьезной аргументированной критике. Многое из сказанного Бакуниным по этому поводу нашло свое подтверждение в XX столетии. Выдающийся теоретик анархизма писал, что «марксисты... утешают мыслью, что эта диктатура будет временная, короткая», но «никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечивания себя», и что она «способна породить, воспитать в народе, сносящем ее, только рабство»⁹⁴, привычку подчиняться приказам центральной власти. Все это отнюдь не будет способствовать отмиранию государства. Бакунин решительно отворачивается от идеи социалистического государства, резко отвергает «государственный социализм господина Маркса». Более того, теоретически предвосхищая события, он подробно описывает картины перерождения диктатуры пролетариата в диктатуру партии и в классовое общество: «По Марксу, народ не только не должен его (государство. – *В. К.*) разрушить, напротив, должен укреплять и усилить и в этом виде передать в полное распоряжение своих благодетелей и учителей – начальников коммунистической партии, словом, г. Марксу и его друзьям, которые начнут освобождать его по-своему. Они сосредоточат бразды правления в сильной руке, потому что невежественный народ требует весьма сильного попечения: создадут единый государственный банк, сосредоточивающий все торгово-промышленное, земледельческое и даже научное производство, а массу народа разделят на две армии: промышленную и земледельческую, под непосредственной командой государственных чиновников, которые составят новое привилегированное сословие»⁹⁵.

Марксова идея мессианской роли пролетариата была подвержена аргументированной критике и со стороны Н. Бердяева⁹⁶. Он справедливо опровергает утверждение Маркса, что пролетариат должен руководить крестьянством в силу своей большей организованности и лучшего образования. Ведь следуя такой логике, можно сделать заключение о законности господства буржуазии над рабочим классом, поскольку она более цивилизована и организована.

Максималист Бакунин отвергает государство, поскольку оно (в любой форме, не только буржуазное) есть отрицание свободы личности. Цель государства – «это высший интерес своего собственного отражения и своего могущества, интерес, перед которым все,

⁹⁴ Бакунин М. А. Избр. соч. В 4 т. Пг.-М., 1919–1921. Т. 1. С. 296.

⁹⁵ Цит. по: Исаев А. «Коммунистическая антиутопия» М. Бакунина //АиФ. 1990. № 12. С. 6.

⁹⁶ Бердяев Н. Смысл Истории. М., 1990. Гл. 5 «Судьба еврейства». С. 68–83.

что есть человеческого, должно склоняться»⁹⁷. М. Бакунин приходит к выводу, что всякое государство и всякая власть есть зло.

Общее во взглядах К. Маркса и М. Бакунина состоит в том, что они оба считали, что государство отомрет. Только, по Марксу, этому должно было бы предшествовать два исторических этапа: вначале диктатура пролетариата, а затем самоуправление трудящихся – переходная форма к безгосударственному обществу⁹⁸. Бакунин же намеревался покончить с государством на следующий день после революции.

Продолжая и развивая бакунинские идеи, П. А. Кропоткин проводил резкое разграничение между обществом и государством, считая в истории первое – «постоянным», а второе – «случайным»⁹⁹. При этом он полагал, что первоначально в обществе царят всеобщее равенство, солидарность и свобода. Затем они утрачиваются. Возвращение же общества к этим изначальным благам произойдет неизбежно и, следовательно, уничтожение государства будет необходимым. Сущность любого государства – являться тормозом общественного прогресса и орудием эксплуатации¹⁰⁰, а основная и единственная функция государства – угнетение, подавление, эксплуатация внутри страны¹⁰¹ и экспансия вне ее.

Как видим, несмотря на принципиальные различия, и в марксизме, и в анархизме можно отметить и нечто общее во взглядах на место и роль государства в будущем обществе, не пытаясь опротестовывать тезис об отмирании государства, ибо будущее само покажет, кто оказался прав в этом историческом споре.

Одно можно сегодня утверждать с уверенностью: и гражданское общество, и правовое государство являют собой закономерный результат естественно-исторического развития цивилизации. В разных странах они могут принимать те или иные формы, модификации с присущими специфическими особенностями и чертами. Однако все эти формы будут выражать общее содержание, общую сущностную основу, и это многообразие будет лишь ее обогащать и развивать. Какие бы теоретические сентенции об особом пути России ни пытались формулировать и отстаивать в вечном споре славянофилы и западники, все же необходимо признать следующее.

России, вослед за многими цивилизованными странами, предстоит пройти через собственную, своеобразную стадию становления и развития гражданского общества и правового государства. Без этого вряд ли возможно достижение идеалов свободы и равенства. Разумеется, достижение на уровне, на который способна их вывести рыночная экономика – с осуществленным правом частной собственности, воспроизводящим независимого гражданина (экономическую независимость личности), гражданское общество – реализующее права человека, и правовое государство – гарантирующее права гражданина. Без этого исторически предопределенного этапа земная цивилизация не сможет приблизиться к своей новой эре освобождения и раскрепощения человека. Пагубность же попыток «перепрыгнуть» целые исторические этапы общественного развития уже подтверждена самой практикой семи десятилетий советской власти. Подтверждает этот вывод и социальная практика последнего десятилетия так называемых демократических преобразований, когда наряду с конституционным закреплением правовой государственности в ходе политического и экономического реформирования фактически не было сформировано объективных основ для ее

⁹⁷ Бакунин М. А. Избр. соч. Т. 4. С. 234.

⁹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 161. (Об этом К. Маркс пишет, отвечая на критику своих идей М. Бакуниным).

⁹⁹ Кропоткин П. А. Современная наука и анархия. Пг.-М., 1921. С. 148.

¹⁰⁰ Там же. С. 99.

¹⁰¹ Кропоткин П. А. Речи бунтовщика. Пг. – М., 1921. С. 17.

развития, как и не возникла адекватная система социальных связей, отношений и институтов.

В этой связи было бы верным сегодня поставить вопрос о переориентации внутренней российской политики на формирование реальных оснований и механизмов гражданского общества и правовой государственности. При этом важно добиться подчинения всей системы демократических преобразований в России принципиальной целевой установке – обеспечить такой вектор развития рыночных реформ и формирование такой модели новой хозяйственной системы, которые в совокупности гарантировали бы гражданам личную экономическую автономию, независимость и свободу, а субъектам хозяйствования – свободу предпринимательства, товарного обращения, конкуренции и т. д. В этой связи, кстати, и экономическая безопасность страны сегодня может и должна пониматься не только в узкоутилитарном традиционном значении, но и более широко – как некая прочная и надежная система-гарант в обеспечении и развитии экономических основ гражданского общества и правового государства, в реализации естественных прав человека в сфере экономической деятельности.

В исследовании роли и места человеческой личности в гражданском обществе и правовом государстве особый интерес, на наш взгляд, представляет подход, используемый Гегелем в фундаментальном труде «Философия права», к рассмотрению соотношения и взаимодействия указанных категорий. Так, он выделяет неразрывное единство отдельного лица как единичного и общества как всеобщности. Оба они «существуют лишь друг для друга и друг посредством друга, переходят друг в друга. Способствуя осуществлению моей цели, я способствую осуществлению всеобщего, а последнее, в свою очередь, способствует осуществлению моей цели»¹⁰².

Характерной отличительной чертой гражданского общества можно назвать двоякую особенность его сущности: это своего рода диалектическое единство противоположностей. Действительно, оно состоит не только (и не столько) из однопорядковых (однополюсных) элементов, входящих в него людей и социальных групп с одинаковыми интересами, установками, жизненными ориентирами, сколько из пестрой, противоречивой и многоцветной палитры, составляющей человеческое общество со всем присущим ему многообразием, различиями, плюрализмом. Можно сказать, что сущностная основа гражданского общества представляет собой диалектически одновременное существование в его рамках разнородных (часто противоположных и разнонаправленных) социальных сил и соответствующих им организаций, институтов, «заинтересованных групп», ассоциаций и др., объединенных общим, единым стремлением к совместной жизни.

В этом отношении Гегель вывел замечательную формулу связи государства и личности: рассматривать государство как результат соединения двух противоположных начал – интересов целого (всеобщего) и интересов составляющих его индивидов (единичного).

Гражданское общество, как мы отметили выше, представляет собой сложное явление, в рамках которого существуют, сталкиваются, развиваются социальные отношения. При этом названные отношения, как правило, реализуются посредством целого комплекса структурированных институциональных форм. Помимо таких институтов, как семья, церковь, школа, соседские и прочие общины, к ним относится еще целый ряд формообразований. Прежде всего – это «заинтересованные группы», т. е. различные организации и ассоциации, объединенные общностью интересов. Например, ассоциации фермеров, предпринимателей, рабочих, творческих работников, врачей, адвокатов и т. д., женские, молодежные и иные общественные организации. Основная целевая функция этих институтов гражданского общества – предоставить отдельному человеку, индивиду возможность реали-

¹⁰² Гегель. Соч. Т. 7. М., 1937. С. 212–213.

зовать свои потенции, интересы и потребности. И, что хотелось бы особо подчеркнуть, через посредство этих институтов общество отражает и реализует все многообразие экономических, религиозных, этнических, профессиональных и иных интересов. Вот почему в либерально-демократической общественно-политической системе столь важное место отводится существованию и развитию гражданского общества. В традиционной же марксистской концепции подход к обществу примитивно однозначен и категоричен. Для него характерна так называемая дихотомизация общества, сведение всего многообразия социальных отношений к двум разновидностям: экономическим и политическим (идеологическим). Иными словами, характерно использование базисно-надстроечной концепции. К тому же при «анатомировании» общественных отношений применяется пресловутый классовый подход, разделяющий такое многосложное, многогранное явление, коим является (как противоречивое единство) само человеческое общество, на классы, каждому из которых навешивается ярлычок «передовой», «реакционный» и т. п.

Совершенно естественно, как отмечал Н. А. Бердяев, что при таком жестко однолинейном «ефрейторском» подходе интеллигенция вообще не вписывается в схему. Она становится «прослойкой», которая первой попадает под репрессии и гонения, в этом марксовом классовом обществе она всегда будет находиться в униженном, оскорбленном положении... Интересно, что Бердяев усматривает в качестве первопричины возникновения в марксизме учения о классах наследуемые пороки капитализма, а именно – возведение в абсолют материального, которое подавляет духовное (вспомним: «общественное бытие определяет сознание» и ленинское: классы – это «...большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению... к средствам производства»...)

Для понимания рассматриваемого сложнейшего явления – гражданского общества – использование марксистской дихотомической схемы «базис-надстройка», а также «бытие-сознание» недопустимо, ибо из поля зрения исследователей неизбежно будет выпадать целый комплекс социальных отношений: социокультурных, этнических, национальных, демографических, семейных, религиозных и т. п.

Какие еще институты и образования входят в интегральную систему «гражданское общество» помимо названных ранее? Обратимся опять к западному политологу Р. Дарендорфу. Он включает в гражданское общество в качестве важнейших элементов еще и независимые средства массовой информации и малые (мелкие) предприятия. Нашим российским реформаторам не мешало бы задуматься над этим обстоятельством. И именно с позиций стоящих задач по формированию гражданского общества и правового государства. Пока же, к сожалению, мы можем наблюдать обратную тенденцию – электронные средства массовой информации в процессе их малоафишировавшейся приватизации и трансформации были монополизированы рядом крупных олигархических групп, имеющих тесные связи с политическим истеблишментом; положение же малого бизнеса начиная с 1992 г. и до настоящего времени остается неизменно незавидным – правительство мало интересуется его проблемами...

В число важнейших институтов гражданского общества, разумеется, нельзя не включить политические партии и «корпоративные организации» (профсоюзы – с одной стороны, и организации бизнеса, предпринимательства – с другой стороны).

Целесообразно заметить, что оба эти институциональных образования «выросли» в рамках гражданского общества, но функционируют одновременно еще и в рамках правового государства. То есть занимают промежуточное положение, а точнее – служат связующими звеньями между этими двумя системами.

Политические партии реально возникли в качестве субъектов на политической сцене со второй половины прошлого столетия. В чем их главное предназначение?

Они (кстати, также, как и корпоративные организации) реализуют принцип представительства различных социальных групп общества в системе власти, ведь отдельный индивид не в состоянии принимать непосредственное участие в управлении государством. Принципу представительства отводится особое место в либерально-демократической форме правления. Так вот, партии призваны разнообразить частные интересы отдельных граждан и социальных групп свести в их совокупный политический интерес, привести к общему знаменателю. Отсюда вытекает важная функция партий – представлять в политической системе интересы тех слоев населения, которые они защищают.

Иными словами, их функция – в формализации и институционализации участия граждан в политической жизни и в государственном управлении. Эта форма участия – цивилизованно организованная – заменила нецивилизованные формы (восстания, бунты и т. п.), причем она сочетается с реализуемыми принципами многопартийности, свободных выборов и смены политической власти (в результате конкуренции между партиями).

Политические партии выполняют целый ряд функций по обеспечению связей между различными уровнями и различными ветвями государственной власти, вырабатывают компромиссные политические решения, выполняют посреднические функции между различными социальными группами, составляющими их избирательную базу, проводят мобилизацию общественного мнения в поддержку выдвигаемых ими задач, идейно и организационно обеспечивают избирательные кампании и выдвигают кандидатов на выборные должности на всех уровнях власти.

В круг задач, которые выполняют политические партии и «корпоративные организации», входят и функции по участию в согласовании интересов различных «заинтересованных групп» и социальных слоев (например, в согласовании интересов между трудом и капиталом). Все это оказывает корректирующее влияние на механизм действия парламентской системы, вносит изменения в традиционные способы и процедуры разрешения конфликтов между предпринимателями и наемными работниками. Заметим при этом, что если «корпоративные организации» материализуют функциональное представительство, то политические партии – политическое представительство. Но в совокупности они представляют те важнейшие элементы как гражданского общества, так и правового государства, вне которых невозможно функционирование современных либерально-демократических систем в мире.

Политические партии, как и другие институты, призваны представлять в политической системе «частный интерес» – интересы и позиции тех или иных социальных групп граждан. Государство же, как было отмечено выше, выражает и реализует всеобщий интерес. Иными словами, оно само есть главный институт реализации власти, есть воплощение идеи политического. Именно в сфере властных отношений гражданскому обществу аутентично соответствует правовое государство.

Может показаться, что система гражданского общества слишком сложна, многоступенчата, связи ее неоднозначны и опосредованы множеством регламентации и институциональных образований. Вместе с тем на данном этапе развития земной цивилизации сложно пока предложить нечто иное, более совершенное и прогрессивное, обеспечивающее более высокий уровень свободы и независимости человека. Как говорил Черчилль, демократия – система скверная, хотя все остальные системы еще хуже... Вспомним, что свобода связана с выбором и, следовательно, с непредсказуемостью. И чем выше уровень свободы, тем выше уровень вторжения сознания в жизнь, тем выше непредсказуемость, тем сложнее и многовариантнее сама жизнь. Но зато эта жизнь свободная. И разве ради этого не следует мириться с усложнением жизненных связей и отношений в обществе? Правда, при этом не следует забывать, для чего вообще нужна свобода (предостережение С. А. Левицкого, о котором упоминалось выше).

Кроме того, представляя достижения либерал-демократизма, разумеется, не следует питать иллюзий на сей счет. В основном речь шла о некой идеальной модели гражданского общества и правовой государственности. На практике все далеко не так гладко, бесконфликтно и адекватно складывается. Взять хотя бы, к примеру, проблему взаимодействия права и власти (как политической, так и экономической). Есть веские основания полагать, что в ряде ведущих либерально-демократических стран «экономическая власть превращается в политическую, а политическая власть действует как власть экономическая»¹⁰³ и, более того, «все четче и нагляднее проявляется универсальная тенденция, согласно которой политическая власть, и прежде всего власть государственная, является прикрытием всемогущества экономической власти»¹⁰⁴. Отдельные западные ученые авторитеты неоднократно и недвусмысленно высказывались по этому поводу. Так, известный политолог М. Паренти отмечал, что «почти все социальные институты, существующие в нашем обществе, вместе с их необъятными материальными и профессиональными ресурсами находятся под контролем плутократии и управляются невыборными, самоназначаемыми и самоувековечиваемыми группировками богатых представителей корпоративного сектора, которые не несут ответственности ни перед кем, кроме самих себя»¹⁰⁵.

В результате подобной мимикрии государство утрачивает свои изначальные функции гаранта реализации интегрального, совокупного интереса всех слоев и групп общества. Оно начинает «работать» на удовлетворение интересов лишь отдельных мощных корпоративных организаций (представляющих, прежде всего, крупный бизнес), забывая об интересах остальных социальных страт, входящих в состав гражданского общества. «Постепенно экономические организации становятся доминирующими субъектами и организаторами управленческих общественных отношений, способными предопределять развитие государственности. Государственная бюрократия перерождается, усваивая привычки и ценности частной бюрократии, отказываясь косвенно или прямо от ориентации на широкие общественные интересы, используя политический авторитет государства и его монопольные позиции в частных и групповых интересах»¹⁰⁶.

Описанная схема деструктивного перерождения функций современного государства будто бы списана с хроник развития российской государственности 90-х годов... Система экономической безопасности, спроектированная специально под цели и задачи гражданского общества и правового государства, могла бы уберечь Россию от подобных деформаций. Если бы эта система экономической безопасности существовала...

¹⁰³ Мальцев Г. В. Право и экономическая власть // Правовое государство, личность, законность. М., 1997. С. 40.

¹⁰⁴ Там же. С. 53.

¹⁰⁵ Паренти М. Демократия для немногих. М., 1990. С. 66.

¹⁰⁶ Мальцев Г. В. Право и экономическая власть. С. 58.

3.2. Экономический базис правового государства

Глубокое осмысление сущностных сторон взаимосвязи и взаимозависимости двух явлений – гражданского общества и правового государства, – предполагает обязательное обращение к вопросу об экономических основаниях самого правового государства. Здесь можно найти целый ряд ключевых, знаковых положений.

Во-первых, и право и правовое государство как бы вырастают из экономического базиса, основанного на товарной, рыночной форме хозяйствования и подчиняющегося в своем развитии законам капиталистического товарного производства (в хозяйстве феодально-теократической системы этого не могло произойти объективно). Иными словами, экономической основой для возникновения правового государства (как и, соответственно, гражданского общества) служит система буржуазных производственных отношений, остающихся в своей основе рыночными. О том, почему именно рынок (на своем этапе расцвета после освобождения от крепостническо-феодальных пут) и именно он способен дать относительные свободу и равенство в экономической сфере, следует сказать особо. Тем более, что данный аспект рыночных реформ в России остается пока еще слабо раскрытым и понятым не только в научной литературе и в общественном сознании, но и на уровне политической власти.

Рынок и сама товарная форма производства содержат в себе те особые и уникальные качества и свойства, без которых человечество не может обрести и овладеть такими ценностями, как свобода и равенство. Стоит уничтожить рыночную экономику, как вслед за этим исчезают свобода и равенство. Более того, эти уникальные и универсальные ценности не только существуют и воспроизводятся на уровне (горизонте, срезе) цивилизованного рыночного экономического базиса. Они переходят к политической системе, наследуются ею. Правовое государство тем самым усваивает имманентные экономическому базису свойства. Иными словами, возникновение (формирование) правовой государственности – не прихоть каких-либо политиков-благотелей или мечтательных интеллектуалов. Это вполне закономерный результат естественно-исторического развития общества. В его основе – объективные процессы, а не чистый волюнтаризм.

Каковы истоки, из которых вытекают и развиваются в сфере хозяйствования свойства свободы и равенства? Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение для понимания диалектической связи рыночной экономики, гражданского общества и правового государства, причин их генетической адекватности (совместимости) с точки зрения обретения (реализации) идеалов свободы и равенства.

Эти истоки следует искать прежде всего в закономерностях, предопределяющих тенденции движения капиталистического товарного производства и современного рынка. Следует обратить внимание на анализ действия таких законов рыночного хозяйства, как закон стоимости, закон спроса, закон предложения, закон свободы конкуренции и др. Их действие за последние два столетия позволили к настоящему времени сформировать на рынке особую систему структурирования и систему процедур, обеспечивающих достаточно высокий уровень свободы и равенства как для отдельного индивида, так и для социума в целом.

Современная рыночная экономика обеспечивает равные стартовые условия в создании любых предприятий, выборе любого вида предпринимательской деятельности, выпуске любой продукции (услуг) – не запрещенных законом. Отсюда – многообразие товаропроизводителей и товаров, а значит, и свобода выбора для потребителя. Таким образом создаются и воспроизводятся названные нами качества свободы и равенства как в отношении производителей, так и в отношении самих потребителей. Разумеется, эти свобода и равенство относительные, ограниченные нынешним уровнем общественно-исторического разви-

тия и опосредованные вещным характером отношений. Однако это пока единственно возможный достижимый уровень экономической свободы и равенства в наше время¹⁰⁷. И любое ограничение свободы рынка, предпринимательства и конкуренции (например, в «советской экономике») неизбежно приводит к соответствующему ограничению экономической свободы и независимости индивидов.

Попытаемся кратко показать отдельные ключевые элементы системы рыночного структурирования, обеспечивающие условия относительной экономической свободы и равенства, а также соответствующие им элементы в политической надстройке, воспроизводящие имманентные условия.

Итак, для экономики рыночного типа характерны следующие свойства¹⁰⁸:

- разнообразие товаропроизводителей и, соответственно, разнообразие товаров и услуг;
- равенство товаропроизводителей, их экономическая самостоятельность и независимость;
- равенство потребителей на рынке и свобода выбора товаров и услуг;
- экономическая свобода и независимость потребителей;
- осуществление товарообмена на эквивалентной основе (действие закона стоимости);
- независимая оценка товаров (и, следовательно, самих производителей) дается на рынке потребителем. Отсюда – отсутствие диктата производителя над потребителем. Учитывая, конечно, и факт насыщенности рынка широким спектром товаров, принадлежащих к одним товарным группам.

Для политической же системы можно выделить свои характерные элементы:

- разнообразие партий (наличие многопартийной системы) и, соответственно, наличие разных политических платформ;
- равные условия, независимость и самостоятельность политических партий;
- равенство граждан в политической жизни (т. е. на своего рода политическом рынке), свобода выбора политических платформ при участии в свободных выборах;
- политическая свобода и независимость граждан;
- независимая оценка программ политических партий производится самими избирателями. Поэтому эти программы должны выражать коренные интересы последних. Отсюда – отсутствие прямого диктата партий над избирателями.

В совокупности названные исторически сложившиеся элементы, присущие как рыночному хозяйству, так и правовому государству, обеспечивают и воспроизводят тот уровень свободы и независимости, уровень равенства, который характерен для современных индустриальных стран Запада.

¹⁰⁷ Хотя здесь начали происходить любопытные перемены и обозначился процесс неких глубинных прогрессивных изменений. В течение последних трех десятилетий в США и других западных странах появились новые формы организации предпринимательства, которые значительно поднимают уровень индивидуальной экономической свободы и личной экономической независимости граждан, стирают грань и, соответственно, элиминируют антагонизмы (!) между наемным трудом и капиталом. Имеется в виду опыт перевода предприятий по американской программе ESOP – Employee Stock Ownership Plan на форму акционирования, при которой трудовой коллектив превращается во владельца предприятия, а каждый отдельный работник становится сособственником. Мы писали об этом опыте не единожды (см., напр.: Колесников В. В., Сидоров С. А. Забытый Богом рай?... Размышления о нашей судьбе. Л., 1990. С. 91–92; Колесников В. В. О феномене криминализации в экономической жизни общества и его осмыслении в теории // Экономическая теория на пороге XXI века-2. М., 1999. С. 757–759; Предупреждение преступлений в сфере экономической деятельности // Криминология. Учебник для юрид. вузов. СПб., 1999. С. 370–372).

¹⁰⁸ Заметим, что перечисляемые свойства присущи в полной мере лишь хозяйству периода свободной (полной) конкуренции. По мере развития процессов монополизации и корпоративизации экономики они в определенной части утрачиваются. Вместе с тем во всех цивилизованных странах существует стремление к сохранению и воспроизводству данных свойств, поскольку они составляют некий стержень, на котором держатся идеалы свободы и независимости современного общества.

Наконец, последнее, что следует отметить, раскрывая названный выше первый принцип формирования правового государства (само право и правовое государство вырастают из экономического базиса хозяйства рыночного типа). Оно касается права частной собственности: именно с возникновением и укреплением хозяйственной автономии, т. е. наличием частной собственности у каждого члена общества или главы семьи, создаются предпосылки для появления государственности. Где нет частного права (собственников), там нет и не может быть государства! Это – принципиальное положение, становящееся в цивилизованном мире аксиомой.

Второй принцип: правовое государство порождено народом, оно не поднимается над гражданами, не превращается в автономную самоценность, не навязывает гражданам свою волю, оно выражает всеобщий интерес и призвано (в отличие от функций гражданского общества) сплотить общество вокруг этого общего знаменателя на благо самого же общества в его стратегических интересах.

Отсюда вытекает принцип равноправия граждан как в отношениях друг с другом, так и с государством.

Кроме перечисленных, следует назвать еще ряд принципов, которые можно условно отнести к формированию самого механизма, приводящего в движение систему правового государства, принципов организации этой системы в живой человеческой практике.

Первый – принцип верховенства права – над гражданином, государством и его учреждениями. Он вытекает из аксиомы, что право выражает интересы народа.

Второй – принцип разделения властей: законодательной от исполнительной, а судебной – от той и другой, при господстве законодательной власти. Судебная власть должна быть отделена и от государства, т. е. быть негосударственной. Данный принцип был сформулирован еще Ш. Монтескье в трактате «О духе законов» (1748): «Для того, чтобы предупредить... злоупотребления властью, необходимо... чтобы одна власть сдерживала другую... Когда законодательная и исполнительная власти объединяются в одном и том же органе... не может быть свободы... С другой стороны, не может быть свободы, если судебная власть не отделена от законодательной и исполнительной... И наступит конец всему, если одно и то же лицо или орган... станет осуществлять все три вида власти»¹⁰⁹.

Иными словами, само правовое государство себя ограничивает целым комплексом постоянных правил и норм, системой сдержек и противовесов. Это необходимо для соблюдения гарантий против нарушения демократических норм и против злоупотреблений в сфере власти. Заметим при этом, что аналогичную систему уравнивания и сдерживания создает и гражданское общество (социальная жизнь в рамках него выступает ареной столкновения и сотрудничества конкурирующих групп и слоев граждан, которые вынуждены идти на компромиссы, вступать друг с другом в соглашения). Так в демократическом обществе достигается удержание всей социальной и политической системы (пирамиды) в равновесии, оберегая и защищая ее от резких колебаний вправо и влево, от взрывов и потрясений.

Третий принцип правового государства – принцип независимости суда как посредника между самими гражданами и между гражданами и государством.

Четвертый принцип – законен лишь тот закон, который соответствует конституции.

Можно выделить и ряд других, более частных принципов формирования правового государства, однако это не входит в цели заявленного исследования.

Характерное для правового государства господство права обеспечивает признание и гарантию прав и свобод граждан во всех сферах, а со стороны граждан – уважение к законам и институтам общества и государства. Показательно, что последнее становится важным элементом (сердцевиной) правосознания подавляющей массы населения. Чем и объясняется

¹⁰⁹ Монтескье Ш. Л. Избр. произв. М., 1955. С. 20.

легитимность поведения большинства граждан в странах с либерально-демократическим режимом.

Законодатель же здесь (как и исполнительная власть) так же подзаконен, как и отдельный гражданин. Более того, подзаконность государственной власти дополняется признанием за отдельной личностью неотъемлемых и неприкосновенных прав. Принцип неприкосновенности личности, соответственно, дополняется неприкосновенностью жилища и переписки.

Правовое государство, являясь продуктом деятельности гражданского общества, призвано через закон создать условия для существования и функционирования гражданского общества, его основных институтов, принципов и ценностей, в силу чего правовое государство имеет ряд общих (объединяющих всех членов гражданского общества) правовых основ. И эти правовые основы по своей сути носят общечеловеческий, надклассовый характер, заключающий в себе объединяющее, интегрирующее начало. Если гражданское общество включает и реализует комплекс частных (единичных и групповых) интересов, часто противоречащих друг другу, то правовое государство, являясь выражением общей воли, призвано примирить, совместить и гармонизировать между собой эти интересы. В этом сложная, многоцветная диалектика сосуществования и взаимодействия таких систем, как гражданское общество и правовое государство. Проникновение в тайны этой диалектической взаимосвязи позволит глубже осмыслить и пути обеспечения прав, свобод и независимости отдельной личности, понять ее роль и место в генезисе истории. Вместе с тем знаковые свойства свободы и равенства, имманентные как для цивилизованного рыночного хозяйства, так и для правового государства, на практике вовсе не имеют буквальной смысловой реализации. И свобода, и тем более равенство получают относительную материализацию в системе социальных отношений лишь в строго очерченных формах. Например, так называемое равенство товаропроизводителей на рынке гипотетически вытекает из действия важнейшего закона рыночного хозяйства – закона стоимости, в соответствии с которым происходит эквивалентный обмен товарами в соответствии с величиной их стоимости (в абстрактно-упрощенной форме – равный труд, заключенный в одних товарах, пропорционально обменивается на равный труд, содержащийся в других товарах). Иными словами, являясь гипотезами, они задают лишь некое направление. С. А. Левицкий сказал об этом предельно лаконично: «В тройственных лозунгах демократии – «свобода, равенство, братство» ударение решительно падает на «свободу» и гораздо меньше на «равенство» (кроме равенства перед законом). «Братство» же играет здесь роль скорее лозунгового придатка, чем «идеи-силы»»¹¹⁰.

¹¹⁰ Левицкий С. А. Трагедия свободы. С. 350.

3.3. Экономическая взаимосвязь становления и развития гражданского общества и правового государства

Правовое государство есть особая политическая реалья, присущая лишь цивилизованному демократическому обществу и представляющая собой форму существования общества, свободного от произвола и необоснованного насилия. Правовое государство как всеохватывающая, системная организация общества, основано исключительно на верховенстве права, которое выражает и воплощает его (общества) общеобязательную волю. Нашему же обществу еще предстоит многое сделать для того, чтобы реализовать записанное в Конституции Российской Федерации 1993 г. (п.1 ст.1) положение о том, что *Россия есть* демократическое федеративное *правовое государство*. Продвижение к этому идеалу, как показали обстоятельства последнего десятилетия, не может быть простым, легким и быстрым. Путь к нему лежит через преодоление множества серьезных противоречий и трудностей как объективного, так и субъективного порядка. Сложность современного этапа реализации идеи правовой государственности в России характеризуется как минимум следующими обстоятельствами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.